86
8298.

Въ Музей отъ Тобол. Церковнаго Древлехранилища 1905 г. Февраля 25.

ТОБОЛЬСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ.

Вып. 4-й.

Изданіе Тобольскаго Епархіальнаго Братства
св. великомуч. Димитрія Солунскаго.

ТОБОЛЬСКЪ.
Типографія Епархіальнаго Братства.
1904.

ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО
БИБЛІОТЕКА

Упраздненные монастыри Тобольскаго края.

Покоривъ русской державѣ сибирское царство, побѣдители, для удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ и потребностей, старались установить во вновь покоренной странѣ тотъ же самый строй церковно-религіозной жизни, какой существовалъ въ Россіи. Въ скоромъ же времени, по завоеваніи Сибири и по основаніи въ ней остроговъ (т. е. укрѣпленій) и городовъ, стали воздвигаться здѣсь часовни, святыя церкви и даже монастыри. По словамъ сибирскаго историка П. А. Словцова, общимъ правиломъ русскихъ переселенцевъ въ Сибири было: „гдѣ зимовье ясачное, тамъ крестъ или впослѣдствіи часовня; гдѣ водвореніе крѣпостное, тамъ церковь и пушка..., а гдѣ городъ, тамъ правленіе воеводское, снарядъ огнестрѣльный и монастырь, кромѣ церкви“.[1]) Монастыри въ Сибири росли довольно быстро и основывались не только въ городахъ, но и внѣ послѣднихъ, въ мѣстахъ прежде необитаемыхъ. Еще въ половинѣ XVII вѣка въ Тобольской епархіи, обнимавшей въ то время всю Сибирь и часть нынѣшнихъ Пермской и Оренбургской губерній, считалось свыше 20 монастырей, къ концу же означеннаго столѣтія число сибирскихъ монастырей увеличилось еще на 15. Впрочемъ, старинные сибирскіе монастыри не отличались многолюдствомъ. Были и такіе монастыри, гдѣ долгое время жили только по одному монаху. Особенная скудость иногда замѣчалась въ „черныхъ попахъ“, т. е. въ іеромонахахъ. Такъ, даже черезъ 17 лѣтъ уже по учрежденіи въ Тобольскѣ архіерейской каѳедры, именно въ 1638 г. третій Тобольскій архіепископъ Нектарій жаловался царю Михаилу Ѳеодоровичу, что „въ Сибири теперь черными попами стала скудость великая: въ Тобольскѣ во всемъ городѣ и въ монастырѣ и у меня только одинъ черный попъ, да и тотъ отецъ мнѣ духовный, а въ городахъ

[1]) П. Словцовъ. Историч. обозр. Сибири. Изд. 1886 г., I, стр. 32.

Мангазеѣ, Пелымѣ,[2]) Кузнецкѣ и въ новыхъ монастыряхъ, что вновь строятся, нѣтъ ни одного чернаго попа, и тѣхъ людей, которые желаютъ постричься, некому постричь, и постоянно бьютъ мнѣ челомъ о черныхъ попахъ".[3]) Многіе изъ основанныхъ въ XVII вѣкѣ сибирскихъ монастырей, просуществовавъ нѣсколько десятилѣтій, по той или иной причинѣ упразднялись. Большинство монастырей прекратило свое существованіе въ 1764 г., при учрежденіи духовныхъ штатовъ. Въ предѣлахъ одной лишь нынѣшней Тобольской губерніи въ разное время было упразднено 11 монастырей, основаніемъ своимъ обязанныхъ преимущественно XVII вѣку. Эти монастыря суть слѣдующіе:

Зосимо-Савватіевскій Тобольскій (сомнительный),
Покровскій Туринскій,
Ильинскій Тюменскій,
Троицкій Кондинскій (съ Кодской пустынью),
Успенскій Тобольскій,
Воскресенскій Березовскій,
Спасскій Тарскій,
Пятницкій Тарскій,
Троицкій Рафайловскій,
Алексѣевскій Тюменскій и
Николаевскій Туринскій.

На мѣстѣ большинства изъ этихъ монастырей существуютъ въ настоящее время приходскія церкви, на мѣстѣ Зосимо-Савватіевскаго—часовня, на мѣстѣ Кондинскаго—женская община, и только Николаевскій Туринскій, по возстановленіи, существуетъ и нынѣ въ качествѣ монастыря, но уже не мужскаго, а женскаго.

Изъ вышепоказаннаго общаго числа сибирскихъ монастырей можно видѣть, что стремленіе къ монастырской жизни было развито въ Сибири въ значительной степени. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что православное населеніе Сибири того времени стояло на высокой ступени нравственнаго развитія. Нѣтъ; всѣ историческія данныя единогласно свидѣтельствуютъ о крайней нравственной распущенности пер-

---

[2]) Да не подумаетъ кто-либо, что въ Пелымѣ былъ когда-то монастырь. Встарину въ сибирскихъ городахъ черные попы не рѣдко замѣняли собой бѣлыхъ приходскихъ священниковъ. Поэтому мы встрѣчаемъ ихъ не только въ Пелымѣ, но и Сургутѣ и др. городахъ, гдѣ никогда не бывало никакого монастыря.

[3]) Арх. Мин. Юст., Сибир. Приказъ, столб. № 94.

88

выхъ выходцевъ изъ Россіи, поселившихся въ далекой Сибири. Не высоко въ нравственномъ отношеніи было тогда и сибирское монашество. Правда, мѣстные изслѣдователи, говоря о старинныхъ сибирскихъ монастыряхъ, имѣютъ обыкновеніе впадать въ хвалебный тонъ, называя монаховъ „подвижниками“, „благочестивыми“ и т. п. именами. Не рѣдко можно встрѣтить выраженія, что старинныя сибирскія обители „были школами нравственныхъ подвиговъ и душевнаго спасенія“, а одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей сибирской церковной старины, взявъ высокую ноту хвалебнаго гимна, между прочимъ сказалъ, что съ основаніемъ перваго въ Сибири монастыря „сюда идутъ *подвизаться* не только мужчины, *но и женщины* и подъ общимъ кровомъ къ 1610 году возникаетъ уже общій монастырь мужско-женскій“. Но всѣ эти увѣренія о высокомъ нравственномъ значеніи старинныхъ сибирскихъ монастырей идутъ въ совершенный разрѣзъ съ документами. Подлинно благочестивые подвижники среди сибирскаго монашества были явленіемъ исключительнымъ, необычайнымъ. А тѣ подвижники, которые „подвизались“ въ одномъ монастырѣ съ монахинями, своимъ поведеніемъ производили явный соблазнъ. Вполнѣ вѣрную и безпристрастную характеристику нравственнаго состоянія сибирскаго монашества XVII в. даютъ намъ первый Тобольскій архіепископъ Кипріанъ и патріархъ Филаретъ. Въ своемъ донесеніи патріарху Филарету, посланномъ въ ноябрѣ 1621 г. архіепископъ Кипріанъ писалъ, что „во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ всякіе люди— служилые, казаки и казачьи жены и всякихъ чиновъ люди стригутся въ болѣзнехъ въ черницы и черницы, и постригшися живутъ въ своихъ домѣхъ по прежнему съ своими мужьями, а мужья съ женами, а иные многіе и монашеское платье снимаютъ и живутъ съ мірскими людьми вмѣстѣ и по прежнему всякое дурно дѣлаютъ“.[4]) Тоже самое повторяетъ и патріархъ Филаретъ въ своей грамотѣ отъ 11 февраля 1622 г. къ архіепископу Кипріану. „Многіе люди, мужи и жены,— писалъ патріархъ,—въ болѣзнехъ постригаются въ иноческій образъ и потомъ оздравѣвъ живутъ въ домѣхъ своихъ по прежнему и многія изъ нихъ постригшися жены съ мужи своими и съ наложники блудъ творятъ и дѣтей приживаютъ, а иные многіе и растригаются и платье чернеческое съ себя сметываютъ, а въ которыхъ городѣхъ мона-

[4]) Арх. Мин. Юст., Денежн. столъ, кн. № 11801, № 213.

стыри мужскіе и дѣвичьи устроены и въ тѣхъ монастыряхъ старцы и старицы живутъ съ мірскими людьми съ одного и въ однихъ домѣхъ и ничѣмъ отъ мірскихъ людей не рознятся".[5]) Свѣтлыхъ личностей, выдававшихся своею подвижническою жизнію, своими заботами объ образованіи дѣтей православнаго населенія Сибири, своими трудами въ дѣлѣ просвѣщенія сибирскихъ язычниковъ и магометанъ свѣтомъ христіанской вѣры, среди сибирскихъ монаховъ было очень и очень не много. Основанные лицами неизвѣстными, случайными, не принадлежавшими къ числу великихъ христіанскихъ подвижниковъ, монастыри сибирскіе не были для православнаго населенія Сибири религіозными центрами. Хотя нѣкоторые изъ лучшихъ сибирскихъ архипастырей, заботясь о благоустройствѣ монастырей, желали видѣть въ нихъ разсадники христіанскаго просвѣщенія между иновѣрцами, но всѣ труды архипастырей въ этомъ направленіи оставались безуспѣшными. Монастыри сибирскіе сослужили службу не столько церкви, сколько государству. Значеніе ихъ—преимущественно колонизаціонное. Главное вниманіе монашествующихъ въ Сибири было направлено на пріобрѣтеніе и расширеніе своихъ владѣній и на водвореніе на монастырскихъ земляхъ крестьянъ. Поэтому исторія сибирскихъ монастырей есть исторія не подвижничества, не распространенія христіанства, а просто одного изъ способовъ колонизаціи Сибири. Изслѣдователю, занятому вопросомъ о старинныхъ сибирскихъ монастыряхъ, приходится имѣть дѣло не съ подвижниками благочестія, не съ ревнителями православной вѣры, а съ самыми заурядными чернецами, жившими одними лишь мірскими интересами, обременявшими московское правительство постоянными просьбами объ отводѣ имъ земель и о заселеніи послѣднихъ крестьянами.

Въ духовной литературѣ относительно упраздненныхъ монастырей, нѣкогда существовавшихъ въ нынѣшней Тобольской губерніи, говорится слишкомъ мало. Спеціальнаго труда, посвященнаго исторіи всѣхъ перечисленныхъ выше монастырей, нѣтъ. Есть лишь нѣсколько статей, касающихся исторіи только двухъ монастырей, именно Троицкаго Кондинскаго и Николаевскаго Туринскаго. Эти статьи принадлежатъ перу извѣстнаго сибирскаго изслѣдователя мѣстной старины Н. А. Абрамова и прот. П. Л. Головина. Что касается остальныхъ изъ пе-

[5]) Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, т. III, № 60, стр. 246.

89

Упраздненные монастыри Тобольскаго края.

Покоривъ русской державѣ сибирское царство, побѣдители, для удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ и потребностей, старались установить во вновь покоренной странѣ тотъ же самый строй церковно-религіозной жизни, какой существовалъ въ Россіи. Въ скоромъ же времени, по завоеваніи Сибири и по основаніи въ ней остроговъ (т. е. укрѣпленій) и городовъ, стали воздвигаться здѣсь часовни, святыя церкви и даже монастыри. По словамъ сибирскаго историка П. А. Словцова, общимъ правиломъ русскихъ переселенцевъ въ Сибири было: „гдѣ зимовье ясачное, тамъ крестъ или впослѣдствіи часовня; гдѣ водвореніе крѣпостное, тамъ церковь и пушка..., а гдѣ городъ, тамъ правленіе воеводское, снарядъ огнестрѣльный и монастырь, кромѣ церкви“.[1]) Монастыри въ Сибири росли довольно быстро и основывались не только въ городахъ, но и внѣ послѣднихъ, въ мѣстахъ прежде необитаемыхъ. Еще въ половинѣ XVII вѣка въ Тобольской епархіи, обнимавшей въ то время всю Сибирь и часть нынѣшнихъ Пермской и Оренбургской губерній, считалось свыше 20 монастырей, къ концу же означеннаго столѣтія число сибирскихъ монастырей увеличилось еще на 15. Впрочемъ, старинные сибирскіе монастыри не отличались многолюдствомъ. Были и такіе монастыри, гдѣ долгое время жили только по одному монаху. Особенная скудость иногда замѣчалась въ „черныхъ попахъ“, т. е. въ іеромонахахъ. Такъ, даже черезъ 17 лѣтъ уже по учрежденіи въ Тобольскѣ архіерейской каѳедры, именно въ 1638 г. третій Тобольскій архіепископъ Нектарій жаловался царю Михаилу Ѳеодоровичу, что „въ Сибири теперь черными попами стала скудость великая: въ Тобольскѣ во всемъ городѣ и въ монастырѣ и у меня только одинъ черный попъ, да и тотъ отецъ мнѣ духовный, а въ городахъ

[1]) П. Словцовъ. Историч. обозр. Сибири, Изд. 1886 г., I, стр. 32.

Мангазеѣ, Пелымѣ,[2]) Кузнецкѣ и въ новыхъ монастыряхъ, что вновь строятся, нѣтъ ни одного чернаго попа, и тѣхъ людей, которые желаютъ постричься, некому постричь, и постоянно бьютъ мнѣ челомъ о черныхъ попахъ".[3]) Многіе изъ основанныхъ въ XVII вѣкѣ сибирскихъ монастырей, просуществовавъ нѣсколько десятилѣтій, по той или иной причинѣ упразднялись. Большинство монастырей прекратило свое существованіе въ 1764 г., при учрежденіи духовныхъ штатовъ. Въ предѣлахъ одной лишь нынѣшней Тобольской губерніи въ разное время было упразднено 11 монастырей, основаніемъ своимъ обязанныхъ преимущественно XVII вѣку. Эти монастыря суть слѣдующіе:

Зосимо-Савватіевскій Тобольскій (сомнительный),
Покровскій Туринскій,
Ильинскій Тюменскій,
Троицкій Кондинскій (съ Кодской пустынью),
Успенскій Тобольскій,
Воскресенскій Березовскій,
Спасскій Тарскій,
Пятницкій Тарскій,
Троицкій Рафайловскій,
Алексѣевскій Тюменскій и
Николаевскій Туринскій.

На мѣстѣ большинства изъ этихъ монастырей существуютъ въ настоящее время приходскія церкви, на мѣстѣ Зосимо-Савватіевскаго—часовня, на мѣстѣ Кондинскаго—женская община, и только Николаевскій Туринскій, по возстановленіи, сушествуетъ и нынѣ въ качествѣ монастыря, но уже не мужского, а женскаго.

Изъ вышепоказаннаго общаго числа сибирскихъ монастырей можно видѣть, что стремленіе къ монастырской жизни было развито въ Сибири въ значительной степени. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что православное населеніе Сибири того времени стояло на высокой ступени нравственнаго развитія. Нѣтъ; всѣ историческія данныя единогласно свидѣтельствуютъ о крайней нравственной распущенности пер-

---

[2]) Да не подумаетъ кто-либо, что въ Пелымѣ былъ когда-то монастырь. Встарину въ сибирскихъ городахъ черные попы не рѣдко замѣняли собой бѣлыхъ приходскихъ священниковъ. Поэтому мы встрѣчаемъ ихъ не только въ Пелымѣ, но и Сургутѣ и др. городахъ, гдѣ никогда не бывало никакого монастыря.

[3]) **Арх. Мин. Юст., Сибир. Приказъ, столб. № 94.**

ныхъ выходцевъ изъ Россіи, поселившихся въ далекой Сибири. Не высоко въ нравственномъ отношеніи было тогда и сибирское монашество. Правда, мѣстные изслѣдователи, говоря о старинныхъ сибирскихъ монастыряхъ, имѣютъ обыкновеніе впадать въ хвалебный тонъ, называя монаховъ „подвижниками“, „благочестивыми“ и т. п. именами. Не рѣдко можно встрѣтить выраженія, что старинныя сибирскія обители „были школами нравственныхъ подвиговъ и душевнаго спасенія“, а одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей сибирской церковной старины, взявъ высокую ноту хвалебнаго гимна, между прочимъ сказалъ, что съ основаніемъ перваго въ Сибири монастыря „сюда идутъ *подвизаться* не только мужчины, *но и женщины* и подъ общимъ кровомъ къ 1610 году возникаетъ уже общій монастырь мужско-женскій“. Но всѣ эти увѣренія о высокомъ нравственномъ значеніи старинныхъ сибирскихъ монастырей идутъ въ совершенный разрѣзъ съ документами. Подлинно благочестивые подвижники среди сибирскаго монашества были явленіемъ исключительнымъ, необычайнымъ. А тѣ подвижники, которые „подвизались“ въ одномъ монастырѣ съ монахинями, своимъ поведеніемъ производили явный соблазнъ. Вполнѣ вѣрную и безпристрастную характеристику нравственнаго состоянія сибирскаго монашества XVII в. даютъ намъ первый Тобольскій архіепископъ Кипріанъ и патріархъ Филаретъ. Въ своемъ донесеніи патріарху Филарету, посланномъ въ ноябрѣ 1621 г. архіепископъ Кипріанъ писалъ, что „во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ всякіе люди—служилые, казаки и казачьи жены и всякихъ чиновъ люди стригутся въ болѣзнехъ въ черницы и черницы, и постригшися живутъ въ своихъ домѣхъ по прежнему съ своими мужьями, а мужья съ женами, а иные многіе и монашеское платье снимаютъ и живутъ съ мірскими людьми вмѣстѣ и по прежнему всякое дурно дѣлаютъ“.[4]) Тоже самое повторяетъ и патріархъ Филаретъ въ своей грамотѣ отъ 11 февраля 1622 г. къ архіепископу Кипріану. „Многіе люди, мужи и жены,—писалъ патріархъ,—въ болѣзнехъ постригаются въ иноческій образъ и потомъ оздравѣвъ живутъ въ домѣхъ своихъ по прежнему и многія изъ нихъ постригшися жены съ мужи своими и съ наложники блудъ творятъ и дѣтей приживаютъ, а иные многіе и растригаются и платье чернеческое съ себя сметываютъ, а въ которыхъ городѣхъ мона-

[4]) Арх. Мин. Юст., Денежн. столъ, кн. № 11801, № 213.

стыри мужскіе и дѣвичьи устроены и въ тѣхъ монастыряхъ старцы и старицы живутъ съ мірскими людьми съ одного и въ однихъ домѣхъ и ничѣмъ отъ мірскихъ людей не рознятся".[5]) Свѣтлыхъ личностей, выдававшихся своею подвижническою жизнію, своими заботами объ образованіи дѣтей православнаго населенія Сибири, своими трудами въ дѣлѣ просвѣщенія сибирскихъ язычниковъ и магометанъ свѣтомъ христіанской вѣры, среди сибирскихъ монаховъ было очень и очень не много. Основанные лицами неизвѣстными, случайными, не принадлежавшими къ числу великихъ христіанскихъ подвижниковъ, монастыри сибирскіе не были для православнаго населенія Сибири религіозными центрами. Хотя нѣкоторые изъ лучшихъ сибирскихъ архипастырей, заботясь о благоустройствѣ монастырей, желали видѣть въ нихъ разсадники христіанскаго просвѣщенія между иновѣрцами, но всѣ труды архипастырей въ этомъ направленіи оставались безуспѣшными. Монастыри сибирскіе сослужили службу не столько церкви, сколько государству. Значеніе ихъ—преимущественно колонизаціонное. Главное вниманіе монашествующихъ въ Сибири было направлено на пріобрѣтеніе и расширеніе своихъ владѣній и на водвореніе на монастырскихъ земляхъ крестьянъ. Поэтому исторія сибирскихъ монастырей есть исторія не подвижничества, не распространенія христіанства, а просто одного изъ способовъ колонизаціи Сибири. Изслѣдователю, занятому вопросомъ о старинныхъ сибирскихъ монастыряхъ, приходится имѣть дѣло не съ подвижниками благочестія, не съ ревнителями православной вѣры, а съ самыми заурядными чернецами, жившими одними лишь мірскими интересами, обременявшими московское правительство постоянными просьбами объ отводѣ имъ земель и о заселеніи послѣднихъ крестьянами.

Въ духовной литературѣ относительно упраздненныхъ монастырей, нѣкогда существовавшихъ въ нынѣшней Тобольской губерніи, говорится слишкомъ мало. Спеціальнаго труда, посвященнаго исторіи всѣхъ перечисленныхъ выше монастырей, нѣтъ. Есть лишь нѣсколько статей, касающихся исторіи только двухъ монастырей, именно Троицкаго Кондинскаго и Николаевскаго Туринскаго. Эти статьи принадлежатъ перу извѣстнаго сибирскаго изслѣдователя мѣстной старины Н. А. Абрамова и прот. П. Л. Головина. Что касается остальныхъ изъ пе-

[5]) Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, т. III, № 60, стр. 246.

речисленныхъ монастырей, то о нихъ встрѣчаются только одни упоминанія, разсѣянныя въ историческихъ описаніяхъ другихъ монастырей, главнымъ же образомъ въ біографіяхъ тѣхъ тобольскихъ архипастырей, при которыхъ, по предположенію авторовъ, были основаны или упразднены означенные монастыри. Чаще всего встрѣчаются такія упоминанія о монастырѣ Зосимо-Савватіевскомъ, который считается предшественникомъ и какъ-бы родоначальникомъ нынѣшняго Тобольскаго Знаменскаго монастыря. Но краткія замѣтки какъ объ этомъ, такъ и о другихъ монастыряхъ, попадающіяся въ разныхъ сочиненіяхъ по тому или иному вопросу изъ исторіи Тобольской епархіи, обыкновенно не отличаются достовѣрностью и страдаютъ чаще всего въ хронологическомъ отношеніи. Не отличаются полнотой содержанія и не свободны отъ погрѣшностей и тѣ сочиненія, въ которыхъ спеціально излагается исторія монастырей Кондинскаго и Николаевскаго Туринскаго. Неполнота и неточность сообщаемыхъ мѣстными историками свѣдѣній объ этихъ обителяхъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что авторы статей объ означенныхъ монастыряхъ искали матеріалы для своихъ трудовъ отчасти въ скудныхъ мѣстныхъ архивахъ, отчасти даже въ болѣе раннихъ печатныхъ сочиненіяхъ, гдѣ вскользь сообщаются мелкія свѣдѣнія о тѣхъ монастыряхъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ всѣ наиболѣе важные документы, касающіеся Тобольскихъ монастырей (какъ и всей вообще Тобольской епархіи) XVII и XVIII вѣковъ, хранятся въ Московскихъ архивахъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ. Только при условіи изученія еще *неизданныхъ* и неразработанныхъ документовъ, находящихся въ этихъ двухъ московскихъ архивахъ (особенно въ первомъ), мы можемъ получить полныя и достовѣрныя свѣдѣнія какъ объ упраздненныхъ монастыряхъ Тобольскаго края, такъ и вообще о религіозно-нравственномъ состояніи и церковной жизни въ Сибири со времени ея покоренія до половины XVIII вѣка.

Свящ. *А. Юрьевскій.*

Зосимо-Савватіевскій Тобольскій монастырь.

Древнѣйшимъ монастыремъ въ Тобольской епархіи, равно какъ и во всей Сибири, принято обыкновенно считать Зосимо-Савватіевскій монастырь, который признается родоначальникомъ нынѣшняго Тобольскаго Знаменскаго монастыря. Хотя въ литературѣ по исторіи Тобольской епархіи объ этомъ монастырѣ упоминается сравнительно часто, но свѣдѣній о немъ сообщается очень не много. Упоминая объ этомъ монастырѣ, мѣстные изслѣдователи Тобольской церковной старины обыкновенно почему-то останавливаются на вопросѣ о томъ, кто былъ основателемъ этого перваго сибирскаго монастыря, и строятъ всевозможныя догадки.[1]) Но намъ кажется, что дѣло болѣе серьезной исторической критики по отношенію къ свѣдѣніямъ объ этомъ монастырѣ должно состоять въ рѣшеніи другого вопроса, именно: существовалъ-ли на самомъ дѣлѣ когда-нибудь этотъ Зосимо-Савватіевсвій монастырь? Къ постановкѣ такого вопроса побуждаетъ насъ то простое обстоятельство, что *ни въ одномъ* изъ старинныхъ документовъ, сохранившихся до нашего времени и извѣстныхъ ученому міру, ни однимъ словомъ *не упоминается* объ этомъ монастырѣ. О немъ не упоминается и въ болѣе раннихъ печатныхъ трудахъ по исторіи Сибири. Такъ, напр., даже знаменитый Герардъ Миллеръ не обмолвился объ этомъ монастырѣ ни однимъ словомъ. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ этомъ монастырѣ является старинное сочиненіе неизвѣстнаго сибирскаго писателя, носящее такое заглавіе: „Книга записная, сколько въ Сибирѣ, въ Тобольску и во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ и острогахъ, съ начала взятія атамана Ермака Тимофеева, въ которомъ году и кто имяны бояръ, и окольничихъ, и стольниковъ, и дворянъ, и стряпчихъ на воеводствахъ бывали и діаковъ, и письменныхъ го-

[1]) Напр., *Матвѣевъ Д. свящ.* Историч. опис. Знаменскаго мон., Тоб. 1899 г. стр. 1—2.

ловъ, и съ приписью подьячихъ, и кто которой городъ ставилъ и въ которомъ году, и отъ котораго государя царя кто былъ". Это сочиненіе, по всей вѣроятности, было составлено еще въ концѣ XVII вѣка. По крайней мѣрѣ оканчивается оно изложеніемъ сибирскихъ событій 1687 года. Одинъ изъ весьма рѣдкихъ списковъ XVIII вѣка этого сочиненія есть и въ Тобольскѣ. Прежде онъ принадлежалъ Тобольскому каѳедральному собору, нынѣ же находится въ Тобольскомъ церковномъ древлехранилищѣ, гдѣ онъ значится подъ № 652 по хронологич. описи. Быть можетъ, съ этого самаго, а всего вѣроятнѣе съ иного списка, еще въ XVIII вѣкѣ было сдѣлано печатное изданіе означеннаго сочиненія. Въ 1774 и 1775 годахъ это сочиненіе печаталось въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ" подъ заглавіемъ: „Записки, къ сибирской исторіи служащія". Но не смотря на то, что это сочиненіе, можетъ быть, вышло изъ-подъ пера писателя даже XVII вѣка, оно не свободно отъ погрѣшностей и неточностей. Что же касается свѣдѣній, сообщаемыхъ въ этомъ трудѣ относительно Зосимо-Савватіевскаго монастыря, то, какъ увидимъ ниже, одни изъ нихъ лишь просто не подтверждаются документами, а другія даже прямо страдаютъ полнѣйшимъ анахронизмомъ. Въ виду этого, по отношенію къ Зосимо-Савватіевскому монастырю, какъ намъ думается, на первый планъ слѣдуетъ выдвинуть именно вопросъ: существовалъ-ли на самомъ дѣлѣ этотъ монастырь, или не существовалъ? Однако, выдвигая этотъ вопросъ, мы съ своей стороны въ настоящее время не рѣшаемся отвѣтить на него отрицательно по той единственной причинѣ, что въ настоящее время еще *не всѣ документы*, относящіеся къ исторіи Сибири, *открыты*. Если въ извѣстныхъ нынѣ документахъ и не упоминается объ этомъ монастырѣ, то, быть можетъ, впослѣдствіи будутъ открыты новые матеріалы для исторіи христіанства въ Сибири и обнародуются достовѣрныя свѣдѣнія о Зосимо-Савватіевскомъ монастырѣ, который считается самымъ первымъ по времени возникновенія монастыремъ въ Сибири.

Не отрицая рѣшительно существованія Зосимо-Савватіевскаго монастыря, мы изложимъ о немъ тѣ свѣдѣнія, которыя сохраняются въ преданіи, предложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свои замѣчанія о степени ихъ достовѣрности.

Вотъ что говорится о Зосимо-Савватіевскомъ монастырѣ въ „Книгѣ записной“, или въ „Запискахъ, къ сибирской исторіи служащихъ“: „Во 118 году перенесенъ монастырь мужскій въ Тобольскъ *изъ-за рѣки Иртыша*, и поставленъ на горѣ за острогомъ, за Воскресенскими воротами, гдѣ нынѣ дѣвичь Успенскій монастырь, и церковь въ немъ въ то время поставлена Успенію Пресвятыя Богородицы, а первой въ немъ былъ *архимандритъ Меѳодій, еще за рѣкою* и на горѣ онъ же. *А за рѣкою стоялъ монастырь на устьѣ рѣки Тобола, по нижнюю сторону съ пріѣзду, съ верху на лѣвой сторонѣ*“.[2]) „Во 131 году переведенъ монастырь мужскій съ горы изъ Успенскаго монастыря подъ гору... и воздвигнуты церкви Божіи во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы, яже въ Великомъ Новѣ градѣ, а другая *во имя Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ, яже и первоначальная бысть за рѣкою въ монастырѣ*“.[3])

Теперь посмотримъ, что говорятъ объ этомъ монастырѣ позднѣйшіе писатели.

По словамъ мѣстныхъ изслѣдователей Тобольской старины, Зосимо Савватіевскій монастырь находился близъ г. Тобольска, при старомъ устьѣ Тобола,[4]) и былъ расположенъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится деревня Бекерева, долгое время (даже въ XIX вѣкѣ) по церковнымъ документамъ называвшаяся „Монастырскою“.[5]) Деревянный храмъ этого монастыря, посвященный имени Соловецкихъ чудотворцевъ, стоялъ, по преданію, на мѣстѣ нынѣшней бекеревской часовни.[6]) Посвященіе храма въ честь

[2]) Рукоп. Тоб. церк. древлехр., № 652 по хрон. оп., л. 12 на обор. („Древн. Россійск. Вивл.“ 1774 г., ч. VI, стр. 194).

[3]) Ibid., л. 21 на об.

[4]) Прежнее устье рѣки Тобола было почти прямо противъ нагорной части г. Тобольска; въ этомъ мѣстѣ вода изъ Тобола дѣлала напоръ въ Иртышъ, отчего волны послѣдняго, ударяя въ гору, подмывали ее до того, что большія глыбы обрушались въ воду. Для предосторожности дѣлались деревянные обрубы, но они разрушались отъ воды. Говорятъ, будто Сибирскій губернаторъ М. Гагаринъ, около 1716 г., воспользовавшись пребываніемъ въ Тобольскѣ плѣнныхъ шведскихъ солдатъ, приказалъ прорыть каналъ изъ рѣки Тобола въ Иртышъ выше за три версты отъ города; въ этомъ-то каналѣ и образовалось новое, нынѣшнее устье рѣки.—*Завитинскій В.* Списки населен. мѣстъ. Тобольская губ., 1871 г., стр. XXVII.

[5]) *Венедиктъ архим.* Описаніе Тоб. Знам. монастыря. „Тоб. губерн. вѣд.“ 1859 г. № 12, стр. 133.

[6]) *Головинъ И. прот.* Тоб. Зн. мон. „Тоб. епарх. вѣд.“ 1890 г. № 1—2, стр. 7.

Зосимы и Савватія даетъ нѣкоторымъ историкамъ основаніе для того предположенія, что создателями и первыми обитателями этого монастыря были выходцы изъ Соловецкой обители[7]) или, по крайней мѣрѣ, изъ сѣвернаго побережья губерній Архангельской, Олонецкой, гдѣ свято чтутся соловецкіе чудотворцы.[8]) Годомъ основанія Зосимо-Савватіевскаго монастыря большинство писателей, не приводя никакихъ доказательствъ, считаетъ 1601 годъ.[9]) Но по мнѣнію другихъ изслѣдователей.[10]) данный монастырь получилъ начало, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на 5 ранѣе этого времени, именно около 1596 г. Главнымъ основаніемъ для послѣдняго предположенія служитъ царская грамота отъ 18 января 1663 г. И дѣйствительно, если мы предположимъ, что владѣнія этого древнѣйшаго въ Сибири монастыря, по его упраздненіи, перешли сначала къ Успенскому монастырю, а потомъ къ Знаменскому, основанному въ 1623 г., и что, въ силу этого, представленіе о Зосимо-Савватіевскомъ монастырѣ у людей послѣдующаго времени слилось воедино съ представленіемъ о Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, то намъ будетъ вполнѣ понятенъ смыслъ слѣдующихъ словъ грамоты царя Алексѣя Михайловича отъ 18 января 1662 года Тобольскому воеводѣ, князю Ивану Хилкову: „въ переписныхъ книгахъ Богдана Аршинскаго прошлаго 150 году,[11]) каковы нынѣ на Москвѣ въ Сибирскомъ приказѣ сысканы, написано: во 104 году[12]) Тобольскаго атамана Третьяка Юрлова сынъ Максимка, по приказу отца своего, далъ вкладу въ Знаменскій монастырь деревню свою вверхъ по Иртышу съ хоромы и съ пашенною землею и со всѣми угодьи, чѣмъ владѣлъ отецъ его, и закладную распашную землю, что заложилъ отцу его захребетный татаринъ Усмаметко Усенковъ, на

[7]) *Венедиктъ арх.*, стр. 133.—*Головинъ прот.*, стр. 7.

[8]) *Матвѣевъ Д. свящ.* Ист. опис. Тоб. Зн. мон., стр. 2.

[9]) *Завринскій В.* Матеріалы для ист.—топограф. изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ. Спб. 1897 г. III ч., № 1613.—*Онъ-же.* Списки насел. мѣстъ, Тоб. губ., стр. CLXXXII.—*Грамматинъ А. прот.* Крат. истор. очеркъ г. Тобольска. „Тоб. еп. вѣд.“ 1887 г. № 9—10, стр. 170.— *Бѣляевъ Ив.* Рѣчь, читан. въ празднество 300-лѣтія Тобольска. «Тоб. еп. вѣд.» 1887 г. № 11—12, стр. 218.—*Недосѣковъ А.* Кириллъ, архіеп. Спб. и Тоб. „Тоб. еп. вѣд.“ 1887 г. № 9—10, стр. 185.

[10]) *Головинъ И. прот.* Тоб. Зн. мон., стр. 7.—*Сулоцкій А. прот.* Описаніе наиболѣе чтимыхъ иконъ Тоб. епархіи. Спб. 1864 г., стр. 88, примѣч.

[11]) Т. е. 1642 года.

[12]) Т. е. въ 1596 году.

устьѣ рѣчки Шилеи".[13]) При такомъ чтеніи царской грамоты, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ по все не о томъ Знаменскомъ монастырѣ, который существовалъ при написаніи означенной грамоты (1662 г.) и который былъ основанъ на берегу рѣчки Мостовки (нынѣ Абрамовки) въ 1623 г., а о древнѣйшемъ монастырѣ, имѣнія котораго поступили въ собственность Знаменскаго монастыря, именно о Зосимо-Савватіевскомъ монастырѣ. А если такъ, то само собою понятно, что Зосимо-Савватіевскій монастырь былъ основанъ не въ 1601 г., а гораздо ранѣе, не позже 1596 (или 104) года.

Но несмотря на такой, повидимому, весьма ясный текстъ и смыслъ приведенныхъ словъ царской грамоты, мы, однако, не можемъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому Максимка, сынъ атамана Юрлова, передалъ въ Тобольскій мужской монастырь деревню съ пашенными землями именно въ 1596 г. По смыслу царской грамоты 1662 г. (напечатанной въ IV т. „Дополненій къ историческимъ актамъ"), въ 104, т. е. въ 1596 г., Третьяка Юрлова уже не было въ живыхъ, и передача монастырю его деревни и земель совершена была не имъ самимъ, а его сыномъ, въ силу особаго „приказа", подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть предсмертное распоряженіе или завѣщаніе покойнаго Третьяка. Между тѣмъ, по другимъ документамъ, Третьякъ Юрловъ былъ живъ еще въ 1619 г. Въ этомъ году онъ преслѣдовалъ отъ Тобольска до Яренска (Вологодской губ.) бѣжавшихъ изъ Сибири ссыльныхъ во главѣ въ Первушкой Шершнемъ, которые перебили Томскихъ казаковъ и обокрали царскую казну[14]). По дозорной же книгѣ города Тобольска 1624 г., „атаманъ пѣшихъ казаковъ Третьякъ Юрловъ" былъ живымъ даже и въ 1624 г. и имѣлъ тогда свой домъ въ Тобольскѣ на „Пермской улицѣ".[15]) Но наиболѣе важнымъ документомъ, въ данномъ случаѣ является составленная въ 1623 г. дозорная книга „деревень вверхъ по Иртышу". Въ этой книгѣ въ отдѣлѣ „дозора Саввы француженина да подъячаго Третьяка Левонтьева" находятся даже положительныя данныя, говорящія, что въ 1623 г. Юрловой деревней владѣлъ еще самъ атаманъ Третьякъ Юрловъ въ компаніи съ тремя „половниками". О

[13]) Дополн. къ истор. актамъ, т. IV, № 111, стр. 264.
[14]) Арх. Мин. ин. дѣлъ, портф. Миллера, кн. I, № 541.
[15]) Арх. Мин. Ю., Сибир. Прик., кн. № 1207, л. 37.

двухъ изъ этихъ половниковъ замѣчено, что они находятся въ Юрловой деревнѣ съ 1619 г. и „жить имъ у Третьяка въ половникахъ отъ сроку до сроку 8 лѣтъ“, о третьемъ же говорится, что онъ живетъ у Третьяка съ 1623 г., „а до сроку въ половникахъ жить 6 лѣтъ“, т. е. до 1629 г.[16]) Такимъ образомъ, въ силу особаго условія, заключеннаго Третьякомъ съ половниками, его деревня едвали и могла быть передана какому-либо монастырю ранѣе 1629 г. При всемъ томъ, еслибы деревня и земли, принадлежавшія Третьяку Юрлову, были дѣйствительно переданы Тобольскому монастырю въ 1596 г., то въ дозорныхъ книгахъ первой четверти XVII в. эта деревня непремѣнно бы упоминалась въ числѣ владѣній Успенскаго монастыря, который долженъ быть прямымъ наслѣдникомъ Зосимо-Савватіевскаго монастыря. На самомъ же дѣлѣ въ дозорной книгѣ 1621 г., составленной Максимомъ Трубчаниновымъ, перечисливши подробно всѣ владѣнія Тобольскаго Успенскаго монастыря, о деревнѣ Юрловой не сказано ни одного слова.[17]) Очевидно, что переписныя книги Богдана Аршинскаго, составленныя въ 1642 г., лишь впервые заговорили о деревнѣ Юрловой, какъ о владѣніи Тобольскаго Знаменскаго монастыря. Но если въ 16.3 г. атаманъ Юрловъ еще самъ владѣлъ своей деревней, а въ 164. г. его деревня и земля принадлежали уже Знаменскому монастырю, то очевидно, что передача этихъ владѣній Юрлова въ монастырскую собственность могла произойти въ періодъ между 1623 и 1642 годами. Когда же именно? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно, тѣмъ болѣе, что подлинной царской грамоты 1662 г. мы не видали, а знакомы съ ней лишь по „Дополненіямъ къ историческимъ актамъ“. Но намъ кажется, что въ печатный текстъ этой грамоты вкралась ошибка. Не слѣдуетъ-ли вмѣсто словъ: „въ 104 году“ (т. е. 1596 г.) читать: „во 140 г.“, т. е. въ 1632 г.? Если наше предположеніе справедливо, то само собою понятно, что деревня,[18]) построенная атаманомъ Юрловымъ около 1619 г., была передана его сыномъ не какому-то Зосимо-Сав-

---

[16]) Арх. Мин. Ю. Сиб. Пр., кн. № 3, л. 81.

[17]) Арх. М. Ю., Сиб. Пр., кн. № 151, лл. 45—55.

[18]) Въ первой половинѣ XVII в. въ Сибири деревни обыкновенно состояли изъ одного только двора, и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изъ двухъ и болѣе дворовъ. Въ 1623 г. деревня Юрлова состояла изъ 4 дворовъ, изъ коихъ 3 двора принадлежали половникамъ.

ватіевскому и не Успенскому монастырю, а именно „Знаменскому“, тому самому, который существуетъ и въ настоящее время на берегу Абрамовки, прежде называвшейся Мостовкой.

По словамъ архим. Венедикта и прот. П. Головина, вскорѣ же по основаніи Зосимо-Савватіевскаго монастыря, были даны ему во владѣніе Тобольскими воеводами земли при рѣкѣ Гагаѣ и на Бегишевскихъ горахъ со всѣми угодьями, какъ-то: лѣсомъ, сѣнными покосами и рыбною ловлею.[19]) Но это сообщеніе не достовѣрно: земли на Бегишевскихъ горахъ были даны,—какъ увидимъ впослѣдствіи,—уже въ 1612 г., по просьбѣ строителя Логгина, Успенскому монастырю.[20]) Такимъ образомъ, о владѣніяхъ Зосимо-Савватіевскаго монастыря рѣшительно ничего не извѣстно, и это, конечно, потому, что никакихъ владѣній на самомъ дѣлѣ и не было у него. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, Зосимо-Савватіевскій монастырь, якобы, пользуясь доходами съ своихъ земель, далъ въ своихъ стѣнахъ пріютъ старымъ и увѣчнымъ воинамъ, участвовавшимъ въ покореніи Сибири.[21]) Но это сообщеніе ни въ какомъ случаѣ нельзя принять за достовѣрное, такъ какъ этотъ монастырь въ дѣйствительности владѣній не имѣлъ, да и существовалъ-то онъ, по преданію, очень короткое время, такъ что значительными средствами онъ никоимъ образомъ располагать не могъ.

Подъ чьимъ управленіемъ находился Зосимо-Савватіевскій монастырь, неизвѣстно. Правда, есть два рода сообщеній о настоятеляхъ этого монастыря, но они не заслуживаютъ и малѣйшаго довѣрія. Такъ, свящ. Д. Матвѣевъ указываетъ, какъ на перваго настоятеля и даже основателя монастыря, на строителя Логгина, „о которомъ,—по словамъ о. Матвѣева.—впервые упоминается подъ 1596 году“.[22]) Но это совершенная неправда. Отъ 1596 года не сохранилось ни одного документа, въ которомъ бы упоминались Зосимо-Савватіевскій монастырь и его мнимый основатель Логгинъ. Имя Логгина въ первый разъ встрѣчается лишь въ боярской грамотѣ 7120 года, т. е. 1612

---

[19]) *Венедиктъ архим.*, стр. 134.—*Головинъ П. прот.*, стр. 8.

[20]) Арх. М. Ю., Спб. Пр., столб. №644 (400) л. 2—3.—Коллегія Экономіи, № 183, л. 3.

[21]) *Граммативъ А. свящ.* Крат. ист. очеркъ г. Тобольск. «Тоб. Еп. Вѣд.» 1887 г. № 9—10, стр. 170.

[22]) *Матвѣевъ Д. свящ.*, стр. 2.

года,[23]) а другой разъ во вкладной записи отъ 26 сентября 7122 года, т. е. 1613 года[24]) И тотъ и другой документъ[25]) касаются не Зосимо-Савватіевскаго, а уже Успенскаго монастыря, и Логгинъ упоминается въ нихъ, какъ игуменъ не Зосимо-Савватіевскаго, а именно Успенскаго монастыря. Другіе писатели, какъ-то: архим. Венедиктъ, А. Недосѣковъ и В. Звѣринскій[26]) утверждаютъ, что во все время существованія своего Зосимо-Савватіевскій монастырь управлялся архимандритомъ Меѳодіемъ. который будто-бы и перенесъ этотъ монастырь на гору, въ самый городъ Тобольскъ,—но всѣ эти утвержденія не только совершенно голословы, но и прямо противорѣчатъ документальнымъ даннымъ. Всѣ упомянутые писатели введены были въ заблужденіе авторомъ „Книги записной“ или „Записокъ, съ сибирской исторіи служащихъ“, который, сказавъ о перенесеніи мужскаго монастыря изъ-за рѣки въ городъ, заявилъ: „а первый въ немъ былъ архимандритъ Меѳодій, еще за рѣкою и на горѣ онъ же“.[27]) Между тѣмъ, еще до печатнаго изданія этихъ „Записокъ“ знаменитый Г. Миллеръ предполагалъ, что Меѳодій, архимандритъ Успенскаго (а не Зосимо-Савватіевскаго) монастыря, былъ опредѣленъ въ настоятели онаго монастыря уже архіепископомъ Кипріаномъ, „потому что прежде былъ тамъ игуменъ“.[28]) Что предполагалъ Миллеръ, то въ настоящео время, дѣйствительно, подтвердилось документами. Архимандритъ Меѳодій не только не былъ настоятелемъ зарѣчнаго Зосимо-Савватіевскаго монастыря, но и въ Успенскомъ-то монастырѣ былъ уже въ числѣ послѣднихъ по времени настоятелей. Онъ прибылъ въ Тобольскъ лишь при архіепископѣ Кипріанѣ и отъ него уже получилъ назначеніе на должность настоятеля Успенскаго монастыря, о чемъ писалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній патріарху Филарету самъ архіепископъ Кипріанъ.[29])

---

[23]) Арх. М. Ю., Спб. Пр., ст. № 644 (400), л. 2—3.

[24]) Арх. М. Ю., Спб. Пр., кн. № 151, л. 37 об.

[25]) Съ содержаніемъ этихъ документовъ мы будемъ имѣть дѣло въ статьѣ объ Успенскомъ Тобольскомъ монастырѣ.

[26]) *Венедиктъ арх.*, стр. 133—134.—*Недосѣковъ А.* Кипріанъ архіеп., стр. 185.—*Звѣринскій В.* Матеріалы... т. III, № 1613.

[27]) Рук. Тоб. церк. древлехр., № 652 по хр. оп., л. 12 на об.

[28]) *Миллеръ Г.* Сибирская исторія, «Ежемѣс. сочин. и извѣстія о учен. дѣлахъ» 1764 г., май, стр. 408.

[29]) Арх. М. Ю., Денежный столъ, кн. № 11801, л. 139.

Недологъ былъ, по преданію, вѣкъ этого древнѣйшаго въ Сибири Зосимо-Савватіевскаго монастыря. Быть можетъ, безпокойства и убытки, причинявшіеся монастырю частыми и разрушительными наводненіями,[30]) заставили братію этой обители искать другое, болѣе безопасное и спокойное мѣсто, а можетъ, быть, даже „благочестивое желаніе тобольскихъ жителей“[31]) побудило монастырскую братію поселиться ближе къ городу,—только съ 1610 года, какъ свидѣтельствуетъ авторъ упомянутой „Книги записной“, а всѣдъ за нимъ и другіе писатели Зосимо-Савватіевскаго монастыря болѣе уже не стало за рѣкой. Онъ прекратилъ свое существованіе, и (будто-бы) вмѣсто него возникъ въ Тобольскѣ новый монастырь подъ новымъ названіемъ.

Подводя итого всему сказанному относительно Зосимо-Савватіевскаго монастыря, мы не можемъ не выразить сомнѣнія въ его существованіи. Правда, предположеніе о существованіи при Тобольскѣ монастыря до 1610 г. не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и невозможнаго. Но во всякомъ случаѣ, документальныхъ данныхъ, касающихся существованія Зосимо-Савватіевскаго монастыря, нѣтъ. Свѣдѣнія о его мѣстонахожденіи при устьѣ стараго Тобола есть одно лишь голословное преданіе. Сообщенія о его владѣніяхъ документами не подтверждаются. Извѣстіе о строителѣ Логгинѣ и архимандритѣ Меѳодіи, какъ настоятеляхъ этого монастыря, находится въ прямомъ противорѣчіи съ документами. *Свящ. А. Юрьевскій.*

---

[30]) *Венедиктъ архим.*, стр. 134.—*Головинъ прот.*, стр. 8.
[31]) *Матвѣевъ свящ.*, стр. 2.

Покровскій Туринскій монастырь.

Въ ряду наиболѣе древнихъ монастырей, существовавшихъ нѣкогда въ предѣлахъ нынѣшней Тобольской губерніи, Покровскій Туринскій монастырь долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Годъ основанія этого монастыря неизвѣстенъ; но почти всѣ сибирскіе историки учрежденіе его относятъ ко времени царствованія Бориса Годунова, къ 1604 году. „Годъ строенія онаго монастыря,—говоритъ Миллеръ,—точно опредѣлить невозможно. Токмо по догадкамъ заключается, что оный построенъ въ одно время съ церковью того же имени. Но сія сооружена въ 7112 (1604) году“.[1]) Такое предположеніе подтверждается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ отпискѣ перваго Сибирскаго архіепископа Кипріана, посланной въ Москву въ 1621 г., по пріѣздѣ его на епархію, Покровскій монастырь былъ названъ уже *старымъ* монастыремъ.[2]) При посѣщеніи города Туринска, на пути изъ Россіи въ Тобольскъ, т. е. въ концѣ мая или началѣ іюня 1621 г., архіепископъ Кипріанъ нашелъ монастырь этотъ въ крайне безпорядочномъ состояніи: онъ былъ вмѣстѣ и мужскимъ и женскимъ; на одной оградѣ, въ деревянныхъ кельяхъ этого монастыря жили вмѣстѣ монашествующія лица обоего пола. Ни игумена, ни игуменіи здѣсь не было. Богослуженіе совершалось здѣсь однимъ лишь бѣлымъ и притомъ престарѣлымъ священникомъ. Преосвященный Кипріанъ, для установленія въ этомъ монастырѣ надлежащаго порядка, немедленно же, еще до прибытія своего въ Тобольскъ, поставилъ въ игумены этого монастыря чернаго священника Макарія, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ архіепископомъ изъ Россіи, а въ помощники ему далъ двухъ старцевъ монаховъ. Но туринскій воевода Данила Мило-

---

[1]) *Миллеръ Г.* Сиб. ист. «Ежем. соч.» 1764 г., генварь, стр. 14.

[2]) Арх. М. Ю., Денежн. ст., кн. № 11801, л. 140.—См. также: *Миллеръ Г.* Сиб. ист., стр. 14.—*Амвросій архіеп.* Ист. россійской іерархіи. М. 1815 г., V т. стр. 584—585.

славскій этихъ лицъ въ монастырь не пустилъ, а самого архіепископа обругалъ.[3]) Вслѣдствіе такого противодѣйствія архіепископу со стороны туринскаго воеводы, игуменъ Макарій, быть можетъ, и совсѣмъ бы никогда не служилъ въ Туринскѣ. Но дѣло въ томъ, что воевода Милославскій при архіепископѣ Кипріанѣ правилъ Туринскомъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ: 7 ноября 1621 г. на должность туринскаго воеводы былъ уже назначенъ Семенъ Апухтинъ.[4]) Поэтому для Макарія ко вступленію на должность настоятеля Покровскаго монастыря препятствій уже не оставалось, и, безъ сомнѣнія, если не въ концѣ 1621 г., то въ началѣ слѣдующаго—1622 г. игуменъ Макарій водворился въ Туринскѣ окончательно. Что Макарій дѣйствительно служилъ въ Туринскѣ, это видно изъ посланной въ мартѣ 1626 г. отписки Сибирскаго и Тобольскаго архіепископа Макарія къ туринскому воеводѣ Ив. Баклановскому о празднованіи ризѣ Господней, присланной въ 1625 г. въ Москву отъ персидскаго шаха. Отписка была послана по полученіи архіепископомъ изъ Москвы царской грамоты и вновь составленной службы св. ризѣ. „А по чему, господине, праздновать,—писалъ архіепископъ воеводѣ,—и съ тое книги списавъ списокъ въ тетради слово въ слово, послали мы къ игумену Макарію.“[5]) По представленію нѣкоторыхъ историковъ (Н. Абрамова, прот. П. Головина, В. Звѣринскаго и др.), игуменъ Макарій, посланный будто-бы въ 1624 г. архіепископомъ Кипріаномъ въ Туринскъ, для предотвращенія всякаго нареканія на монашествующихъ, отдѣлилъ яко-бы монаховъ отъ монахинь, переведя первыхъ во вновь основанный имъ въ томъ-же городѣ мужской Николаевскій монастырь.[6]) Но такое представленіе дѣла совершенно не основательно. Во-первыхъ, игуменъ Макарій, какъ мы видѣли, былъ назначенъ на должность настоятеля Туринскаго монастыря въ 1621 г., а не въ 1624 г., и окончательно поселился въ Туринскѣ не въ какомъ случаѣ не позже начала 1622 г. Во-вторыхъ, отдѣльный отъ Покровскаго мужской

---

[3]) Арх. М. Ю.. Денежн. ст., № 11801, л. 140.

[4]) *Газенвинкель К.* Систематич. перечень воеводъ въ Сибир. городахъ. Тоб. 1892 г., стр., 31.

[5]) Собр. Госуд. грам. и догов. т. III, № 60, стр. 246.

[6]) *Н. Абрамовъ.* Туринскій Николаевскій мон. «Тоб Губ. Вѣд.» 1865 г. № 45, ч. неоф., стр. 289.—*Головинъ П. прот.* Туринскій Ник. жен. мон. «Тоб. Еп. В.» 1890 г., № 9—10, стр. 206.—*Звѣринскій В.* Матеріалы... ч. III, № 1898.

Николаевскій монастырь былъ основанъ въ Туринскѣ,—какъ увидимъ впослѣдствіи,[7])—не игуменомъ Макаріемъ, а уже послѣ него, въ концѣ XVII вѣка, и Покровскій монастырь приблизительно до 1681 г. былъ единственнымъ монастыремъ въ Туринскѣ. Поэтому нужно признать вполнѣ достовѣрнымъ свидѣтельство Г. Миллера, что игуменъ Макарій, „живучи въ Покровскомъ монастырѣ нѣсколько лѣтъ, принималъ еще какъ мужчинъ, такъ и женщинъ въ чинъ монашескій“.[8]) Монастырь Покровскій, такимъ образомъ, и при игуменѣ Макаріи оставался смѣшаннымъ, съ преобладаніемъ, вѣроятно, мужскаго элемента, что можно видѣть изъ самаго факта назначенія сюда игумена, а не игумена. Имена настоятелей, управлявшихъ Покровскимъ монастыремъ послѣ Макарія, неизвѣстны. За все послѣдующее время существованія этого монастыря, до основанія въ Туринскѣ второй обители, извѣстно только то, что, по царскому указу, при воеводѣ Никитѣ Кафтыревѣ, управлявшемъ Туринскомъ съ 1639 по 1642 года, Покровскому монастырю была отведена пахотная земля.[9]) Но эта земля, за отсутствіемъ рабочихъ рукъ, едва-ли приносила монастырю большую пользу. Впослѣдствіи, когда въ Туринскѣ былъ основанъ Николаевскій мужской монастырь, земля эта перешла къ новой обители. Со времени основанія этой новой обители при митрополитѣ сибирскомъ Павлѣ I, Покровскій монастырь сталъ исключительно женскимъ монастыремъ. Такимъ образомъ, тотъ порядокъ, объ установленіи котораго заботился еще первый сибирскій архіепископъ Кипріанъ, былъ водворенъ въ Покровскомъ монастырѣ уже спустя 60 лѣтъ послѣ этого энергичнаго архипастыря. Исторія Покровскаго монастыря со времени его преобразованія почти неизвѣстна. Упраздненіе этой обители нѣкоторые историки относятъ къ 1740 году,[10]) впрочемъ безъ достаточныхъ основаній. Всего вѣроятнѣе, монастырь прекратилъ свое существованіе въ 1701 г., послѣ сильнаго пожара, истребившаго почти весь городъ Туринскъ. 23 мая 1701 г. въ домѣ туринскаго посадскаго человѣка Иларіона Мельникова начался пожаръ, жертвой котораго сдѣлались, между прочимъ, семь городскихъ церквей. Въ Покровскомъ монастырѣ

[7]) Въ статьѣ о Николаевскомъ Туринскомъ монастырѣ.
[8]) *Миллеръ Г.* Сиб. ист. «Ежем. соч.» 1764 г., май, стр. 405.
[9]) Дополн. къ Историч. Актамъ, т VIII, № 48, стр. 211. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ особой статьѣ о Николаевскомъ Туринскомъ монастырѣ.
[10]) *Звѣринскій В.* Матеріалы..., ч. III, № 1898.

въ это время сгорѣло 20 келлій и шесть человѣкъ.[11]) Возможно, что раззоренный этимъ пожаромъ монастырь вскорѣ же и прекратилъ свое существованіе. Въ „Вѣдомости о городѣ Туринскѣ“ за 1743 г. объ этомъ монастырѣ уже упоминается только какъ о нѣкогда существовавшемъ.[12])

Свящ. А. Юрьевскій.

---

[11]) Библ. Арх. Мин. ин. дѣлъ, портфель Миллера III, л. 57.
[12]) Ibid.

Ильинскій Тюменскій монастырь.

Въ XVII вѣкѣ въ городѣ Тюмени существовалъ женскій монастырь подъ названіемъ Ильинскаго. Но такъ какъ документы, относящіеся къ исторіи этого монастыря, не восходятъ далѣе 1623 года, то, конечно, относительно времени его основанія могутъ существовать только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Самое первое предположеніе о происхожденіи даннаго монастыря принадлежитъ Г. Миллеру. Въ качествѣ „вѣроятной догадки“, Миллеръ высказалъ, впрочемъ, не совсѣмъ рѣшительно, что „начало онаго монастыря или, по крайней мѣрѣ, совершенное учрежденіе“ его должно приписать архіепископу Кипріану[1]). Но если Миллеръ не рѣшился считать архіепископа Кипріана за несомнѣннаго основателя Ильинскаго монастыря, то позднѣйшіе мѣстные изслѣдователи Тобольской церковной старины стали категорически заявлять, что Тюменскій Ильинскій монастырь обязанъ своимъ происхожденіемъ не кому другому, какъ именно архіеп. Кипріану[2]). Но помимо этихъ догадокъ существуетъ еще иное предположеніе, высказанное проф. П. Буцынскимъ. По мнѣнію Буцынскаго, основаніе Ильинскаго монастыря относится не ко времени архіеп. Кипріана, а къ началу XVII вѣка. Вотъ какія соображенія по этому предмету высказываетъ проф. Буцынскій. Въ 1600 году тюменскіе жители подавали царю Борису Годунову челобитную о дозволеніи имъ строить въ Тюмени церковь въ честь Бориса и Глѣба съ придѣломъ св. пророка Иліи. Но испросивши разрѣшеніе построить двухпрестольную церковь, они построили только однопрестольную въ честь Иліи пророка. Затѣмъ въ 1601 году въ Тюмень былъ присланъ „черный попъ“ Никонъ. „Онъ-то, вѣроятно, и положилъ начало Ильинскому монастырю при вышеупомянутой церкви“, говоритъ Буцын-

[1]) *Миллеръ Г.* Исторія Сибирская. «Ежемѣсячн. сочин.» 1764 г., май. стр. 407.

[2]) Напр., *Недосѣковъ А.* Архіеп. Кипріанъ. «Тоб. Епарх. Вѣд.» 1887 года, № 9—10.

скій. По мнѣнію Буцынскаго, Ильинскій монастырь былъ древнѣе Троицкаго (или, по-прежнему, Преображенскаго) мужскаго монастыря, основаннаго монахомъ Нифонтомъ въ 1616 году, такъ какъ, по словамъ Буцынскаго, „невозможно предположить, имѣя въ виду русскіе обычаи, чтобы въ Тюмени до основанія Троицкаго монастыря, т. е. до 1616 года, не было никакого монастыря; вѣроятнѣе всего, что Ильинскій монастырь началъ свое существованіе съ построеніемъ церкви во имя пророка Иліи и съ прибытіемъ въ Тюмень монаха Никона". Но первоначально, какъ думаетъ проф. Буцынскій, въ этомъ монастырѣ жили вмѣстѣ монахи и монахини, а съ основаніемъ въ 1616 году Троицкаго (Преображенскаго) монастыря монахи переселились въ этотъ послѣдній, монахини же остались жить въ Ильинскомъ[3]). Но эти соображенія проф. Буцынскаго, будучи весьма правдоподобными, не имѣютъ все-таки подъ собой какихъ-либо прочныхъ положительныхъ основаній. Вѣдь, пребываніе въ Тюмени чернаго попа Никона само по себѣ еще нисколько не говоритъ о происхожденіи въ Тюмени какого-либо монастыря. Черные попы въ XVII вѣкѣ были во многихъ сибирскихъ городахъ. Они были въ Сургутѣ, и въ Нелымѣ и прочихъ мѣстахъ, но монастырей они вовсе не основывали тамъ, а только исполняли въ тѣхъ городахъ обязанности приходскихъ священниковъ. Конечно, можно съ полнымъ правомъ указывать въ доказательство своего мнѣнія о возникновеніи Ильинскаго монастыря въ началѣ XVII вѣка на старинные русскіе обычаи, но, вѣдь, съ нисколькимъ же правомъ можно, за отсутствіемъ положительныхъ доказательствъ, утверждать, что и старинные обычаи были не безъ исключеній. Во всякомъ случаѣ вопросъ о времени возникновенія давно уже упраздненнаго Ильинскаго монастыря остается открытымъ и до сихъ поръ.

Что касается документовъ, въ первый разъ заговорившихъ объ этомъ монастырѣ, то они относятся уже ко времени перваго Тобольскаго архіепископа Кипріана. Сохранилась грамота царя Михаила Ѳеодоровича отъ 15 марта 7132 (1624) года къ тюменскимъ воеводамъ князю Мих. Бор. Долгорукову и Юрію Аоан. Редрикову. Эта грамота была послана въ отвѣтъ на челобитье двухъ тюменскихъ старицъ Евфросиньи Клычихи и Агрипины Рѣчкиной, которыя жаловались царю на свое бѣдственное положеніе: „скитаются-де они на Тюмени межъ

[3]) *Буцынскій И. проф.* Заселеніе Сибири. Харьк. 1889 г., стр. 85—86.

дворъ и кормятся Христовымъ именемъ", между тѣмъ какъ другимъ тюменскимъ старицамъ даютъ царское „годовое жалованье—ругу хлѣбомъ и деньгами". Жалуясь на свое положеніе, эти старицы просили царя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ: велѣлъ-бы „имъ быти на Тюмени въ Ильинскомъ монастырѣ на прибавку съ ружными старицами вмѣстѣ". Царь удовлетворилъ просьбу старицъ и распорядился, чтобы тюменскіе воеводы „старицамъ Ефросиньѣ Клычихѣ да Огрофенѣ Рѣчкинѣ велѣли быти на Тюмени у Ильи пророка въ монастырѣ съ ружными старицами въ рядъ, и велѣли имъ царское годовое жалованье—ругу давати, какъ и прочимъ того монастыря старицамъ даютъ" [4]). Эта грамота ясно показываетъ, что въ 1624 году Ильинскій монастырь уже существовалъ, и жившія въ немъ монахини пользовались пособіемъ отъ московскаго правительства, но въ какомъ размѣрѣ выдавалась имъ тогда руга, неизвѣстно. По свидѣтельству Г Миллера и проф. Буцынскаго, ссылающагося на одинъ старинный документъ, хранящійся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ[5]), еще въ 1623 году старицы тюменскаго женскаго монастыря жаловались архіепископскому десятнику на свою игуменію, названную у Миллера Каптелиной (Капитолина?), въ духовномъ дѣлѣ, что она „живетъ не по иноческому обѣщанію" и ссылались на одного ярыжку, какъ на свидѣтеля грѣшныхъ дѣлъ игуменіи. Десятникъ потребовалъ этого ярыжку къ допросу, но ярыжка не захотѣлъ предъ нимъ давать никакихъ показаній, говоря, что онъ можетъ объявить про то духовное дѣло игуменіи только самому архіепископу. Тогда десятникъ обратился къ воеводѣ съ тѣмъ, чтобы онъ посадилъ на время ярыжку въ тюрьму, но воевода отказалъ ему въ этомъ[6]). Кажется, что на этомъ и остановилось дѣло по обвиненію тюменской игумены. Права или, дѣйствительно, виновата была игуменья, сказать за отсутствіемъ матеріаловъ трудно, но во всякомъ случаѣ очевидно, что внутри монастыря между монахинями и игуменіей были несогласія и существовало явное недовольство со стороны первыхъ на послѣднюю.

Годъ упраздненія этого монастыря такъ же неизвѣстенъ, какъ и годъ его основанія. Но по всей вѣроятности, вѣкъ этого монастыря былъ весьма не великъ. Упомянутые два документа есть единственные

[4]) Русская историч. библіотека, т. II, № 140, столб. 481—482.
[5]) Къ сожалѣнію, этого документа мы не видѣли.
[6]) *Буцынскій П.* Заселеніе Сибири, стр. 290.—*Миллеръ Г.* Ист. сибирская. «Ежемѣсячн. соч.» 1764 г., май стр. 407.

документы, касающіеся Ильинскаго монастыря. Кромѣ нихъ неизвѣстно ни одного документа, гдѣ бы упоминалось имя этого монастыря. По всей вѣроятности, онъ прекратилъ свое существованіе еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, такъ какъ въ слѣдующее царствованіе Алексѣя Михайловича въ Тюмени возникъ новый женскій монастырь Успенскій или Алексѣевскій. Трудность опредѣленія времени упраздненія Ильинскаго монастыря осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые писатели[7]) почему-то отождествляютъ эти два монастыря, признавая „Ильинскій“ и „Успенскій“ (Алексѣевскій) монастыри лишь за различныя названія одного и того-же монастыря. Но мы съ своей стороны думаемъ, что Ильинскій и Алексѣевскій были различные монастыри, такъ какъ, во-первыхъ, по существовавшему въ Алексѣевскомъ монастырѣ преданію, Алексѣевскій монастырь основанъ былъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича[8]), монастырь же Ильинскій упоминается еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; во-вторыхъ, Ильинскій монастырь существовалъ при церкви въ честь Иліи пророка (приходъ которой существуетъ и въ настоящее время), монастырь же Успенскій (Алексѣевскій) находился при Успенской церкви съ придѣломъ въ честь митр. Алексія (нынѣ тоже приходская). *Свящ. А. Юрьевскій.*

---

[8]) *Недосѣковъ А.*, стр. 186. *Звѣринскій В.* Матеріалы, ч. II, № 832
[7]) Арх. Мин. Юст., Коллегія Экономіи, № 669; л. I.

ОЧЕРКИ

изъ исторіи Тобольской духовной семинаріи.

(По архивнымъ даннымъ).

III.

Тобольская семинарія при ректорѣ Веніаминѣ (1794—1799 г.).

24-го іюля 1794 г. ректоръ Тобольской семинаріи архимандритъ *Геннадій* обратился къ преосвященному Варлааму, архіепископу Тобольскому, со слѣдующимъ прошеніемъ: „Прошлаго 1784 г. 28 авг. указомъ Св. Синода опредѣленъ я въ Тобольскую епархію, по которому указу тогожъ году произведенъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ во архимандрита въ здѣшній Тобольскій Знаменскій монастырь, опредѣленъ здѣшней семинаріи ректоромъ, богословіи учителемъ и въ консисторіи присутствующимъ, каковыхъ должностей по крайней нынѣ здоровья моего слабости несть уже не могу. Того ради нижайше прошу Ваше Преосвященство о увольненіи меня отъ здѣшняго монастыря въ Харьковскій Покровскій монастырь на пребываніе и о пожалованіи пенсіи для моего пропитанія представить въ Св. Синодъ.“ Представляя 28 іюля это прошеніе на усмотрѣніе Св. Синода, преосвященный свидѣтельствовалъ, съ своей стороны, что архим. Геннадій порученныя ему должности проходилъ трудолюбиво и съ успѣхомъ,[1]) и, въ случаѣ уваженія его просьбы, просилъ о назначеніи въ Тобольскую семинарію новаго ректора. Отвѣтъ на представленіе преосвященнаго послѣдовалъ въ указѣ Св. Синода отъ 5 октября 1794 г., которымъ архим. Геннадій, за слабостію здоровья, былъ уволенъ отъ должностей, занимаемымъ имъ въ Тобольскѣ, съ пенсіею въ 150 р. въ годъ, и съ назначеніемъ пребыванія ему въ Бѣлоградскомъ Покровскомъ монастырѣ, Харьковской епархіи. Вмѣстѣ съ симъ, согласно рекомен-

[1]) Въ черновомъ представленіи преосвященнаго написано: «съ хорошимъ успѣхомъ», но потомъ слово «хорошимъ» зачеркнуто.

даціи митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, архимандритомъ Знаменскаго монастыря и *ректоромъ* Тобольской семинаріи Св. Синодъ *опредѣлилъ іеромонаха Веніамина.*[2])

Вновь назначенный ректоръ Тобольской семинаріи, по происхожденію великороссъ, дьячковскій сынъ, 32-хъ лѣтъ, сначала обучался въ Новгородской семинаріи „по конецъ риторическаго класса“, а затѣмъ въ С.-Петербургской Александро-Невской семинаріи философіи, богословіи, греческому языку, математикѣ, исторіи и географіи; въ 1788 г. былъ опредѣленъ учителемъ въ той же семинаріи низшаго латинскаго и греческаго классовъ, а въ 1790 г. и высшаго латинскаго класса; потомъ былъ учителемъ философіи и греческаго класса въ Воронежской семинаріи и, наконецъ, вновь опредѣленъ учителемъ греческаго класса въ Александро-Невскую семинарію. 24-го декабря 1792 г. онъ былъ постриженъ въ монашество, 10 января 1793 г. посвященъ во іеродіакона, въ послѣднихъ числахъ февраля—во іеромонаха и 30 апрѣля того-же года опредѣленъ іеромонахомъ въ Кронштадскій морской шляхетскій кадетскій корпусъ. Согласно указу Св. Синода, іеромонахъ Веніаминъ преосвященнымъ Гавріиломъ былъ въ Невскомъ монастырѣ произведенъ въ архимандрита и 5 декабря получилъ паспортъ на проѣздъ въ Тобольскъ. Между тѣмъ архим. Геннадій 5 декабря сдалъ монастырское имущество и ризницу Знаменскаго монастыря Абалакскому игумену Маргариту и отбылъ изъ Тобольска.

Новый ректоръ архим. *Веніаминъ* прибылъ въ Тобольскъ 21 февраля 1795 г. и 22 числа того-же мѣсяца опредѣленъ преосвященнымъ учителемъ богословіи въ семинаріи и въ духовной консисторіи присутствующимъ, а 24 апрѣля принялъ монастырь отъ игумена Маргарита.[3]) Ректоромъ семинаріи архим. Веніаминъ состоялъ до поло-

---

[2]) Дѣло конс. архива 1794 г. № 68: О уволеніи Тоб. Знам. монастыря архим. Геннадія въ Харьковскій Покровскій монастырь на пребываніе и опредѣленіи на мѣсто его настоятелемъ морскаго шляхет. кадетскаго корпуса іеромонаха Веніамина.

[3]) Ibid., ср. дѣло конс. архива 1795 г. № 92: Вѣдом. Тоб. сем. объ учителяхъ и ученикахъ за 1795 г.; дѣло семинар. архива 1796 г. № 23: Вѣдом. объ учителяхъ за 1795 г.—Впослѣдствіи архим. Веніаминъ былъ назначенъ цензоромъ проповѣдей и благочинными монастырей Тобольской епархіи (см. дѣло семинар. архива 1799 г. № 32: Указы 1799 г., указъ № 15-й). Очевидно, тяготясь многими должностями, возложенными на него, онъ просилъ 19 іюня 1797 г. объ увольненіи его отъ присутствія въ консисторіи и цензорства проповѣдей (см. цитов. консист. дѣло 1794 г. № 68). Къ характеристикѣ ректора

вины 1799 г., когда, согласно прошенію, по слабости здоровья, уволенъ отъ управленія семинаріей, должности учителя богословіи и присутствующаго въ консисторіи, съ оставленіемъ, впредь до разсмотрѣнія, настоятелемъ Знаменскаго монастыря.[4]) Впослѣдствіи онъ отбылъ въ Новгородскій Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь архимандритомъ,[5]) при чемъ, по приказанію преосвященнаго, ему было выдано въ награду 50 рублей.[6])

Въ началѣ ректорства архимандрита Веніамина (въ 1795 г.) педагогическій персоналъ семинаріи состоялъ изъ тѣхъ-же лицъ, которыя были въ послѣдній годъ управленія семинаріей ректр. Геннадіемъ. Этими лицами были—префектъ и учитель философіи, краснорѣчія и математики протоіерей Земляницынъ, учителя—риторики Бурдуковъ, поэзіи и греческаго языка Пономаревъ, синтаксимы Никитинъ, грамматики Галляховскій, инфимы Бабайловъ, фары „подъячій“ Пѣтуховъ, татарскаго языка Гигановъ и исторіи и географіи „инспекторъ семинаріи“ Р. Поповъ. Эти данныя относительно состава служащихъ, которыя мы находимъ въ вѣдомостяхъ объ учителяхъ семинаріи,[7]) въ приходо-расходной книгѣ семинаріи за 1795 г.[8]) дополняются указаніемъ, что во второй половинѣ года преподаваніе математики отъ префекта было передано учителю грамматическаго класса Галляховскому. Кромѣ сего, какъ видно изъ приходо-расходной книги, со второй половины года Пѣтуховъ оставилъ службу при семинаріи; Ба-

---

Веніамина можетъ служить слѣд. его прошеніе, съ которымъ онъ обратился къ преосвященному въ концѣ 1796 учебнаго года: Поколику нынѣ время отъ ученія свободное и мнѣ желательно видѣть нѣкоторыя мѣста по Сибири, то прошу уволить меня отъ прочихъ должностей на срокъ законный по нѣкоторымъ мѣстамъ епархіи. Резолюціей преосвященнаго отъ 15 іюля онъ былъ уволенъ на 29 дней до г.г. Тюмени, Ялуторовска, Шадринска, Камышлова, Екатеринбурга, Алапаевска, Верхотурья, Ирбита и Туринска. (Дѣло конс. арх. 1796 г. № 149: О увольненіи Тоб. Знам. монаст. настоятеля и семинаріи ректора, архим. Веніамина по нѣкоторымъ городамъ).

[4]) Дѣло конс. архива 1799 г. № 166: Объ увольненіи отъ должности ректора арх. Веніамина. Дѣло семинар. архива 1799 г. № 32: Указы 1799 г., см. постановленіе правленія № 15.

[5]) См. цитован. ранѣе «Книгу Тоб. сем. для записи всѣхъ перемѣнъ» л. 2.

[6]) Дѣло семинар. архива 1800 г. № 33: Приходо-расходная книга 1800 г.; см. іюль мѣсяцъ 12 число.

[7]) См. цитован. дѣла конс. архива 1795 г. № 92 и семинар. архива 1796 г. № 23.

[8]) Дѣло семинар. архива 1795 г. № 24; въ этомъ дѣлѣ заключаются приходо-расходныя книги семинаріи за 1795, 1796, 1797 и 1798 г.г.

байловъ-же, которому передана была должность „подъячего“, остался учителемъ двухъ низшихъ классовъ. Повидимому, эти классы были соединены въ одинъ, и посему Бабайловъ въ документахъ именуется безразлично учителемъ или инфимы, или фары, и раздѣльно вѣдомостей учениковъ этихъ классовъ мы не находимъ въ архивныхъ документахъ, въ которыхъ низшій классъ семинаріи нерѣдко именуется информаторіею. Далѣе, лекарь Ил. Есенскій становится постояннымъ врачемъ семинаріи съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Въ началѣ года ему, на ряду съ другими служащими, выдается „за присмотръ больныхъ“ 6 р., а съ половины года онъ именуется семинарскимъ лекаремъ и правящимъ должность лекаря и получаетъ 20 р. жалованья. Упомянемъ, наконецъ, что расходчикомъ, какъ и въ минувшемъ году, состоялъ діакономъ Ст. Поповъ.

Такой составъ служащихъ остается и въ слѣд. 1796 г.[9]) съ тѣмъ единственнымъ измѣненіемъ, что въ этомъ году былъ открытъ „пѣвческій классъ“, первымъ учителемъ котораго былъ священникъ *Михаилъ Дерябинъ*, съ жалованьемъ 20 руб. въ годъ.[10]) Онъ былъ священникомъ Вознесенской церкви г. Екатеринбурга, по вслѣдствіе столкновенія съ прихожанами, которые не желали имѣть его священникомъ „по слабому его состоянію и нерадѣнію къ службѣ Божіей“, опредѣленіемъ консисторіи 22 ноября 1795 г. былъ помѣщенъ въ Знаменскій монастырь въ надежду монашества.[11])

По вѣдомости объ учителяхъ за 1797 г.,[12]) въ этомъ году вмѣсто умершаго Бабайлова[13]) учителемъ инфимы былъ опредѣленъ Вас. Поповъ, оставшійся вмѣстѣ съ симъ учителемъ исторіи и географіи. Изъ приходо-расходной книги за 1797 г. видно, что онъ вступилъ въ должность учителя инфимы и семинарскаго „пищика“ (подъячаго) въ половинѣ года. Затѣмъ, изъ этой книги видно, что Галляховскій былъ опредѣленъ библіотекаремъ семинаріи, съ жалованьемъ

[9]) Дѣло конс. арх. 1796 г. № 109: Вѣдом. Тоб. сем. о учит. и ученик. за 1796 г. Дѣло семин. арх. 1797 г. № 25: Вѣд. о учит. за 1796 г.

[10]) См. прих.-расх. книгу за 1796 г.

[11]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 50: О опредѣленіи г. Екатеринбурга Вознесенской церкви свящ. М. Дерябина въ Тоб. Знам. монастырь въ надежду монашества.

[12]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 138. Дѣло сем. арх. 1798 г. № 26.

[13]) По приходо-расходной книгѣ семинаріи, въ мартѣ 1797 г. «работникамъ за выносъ учителя Бабайлова» выданъ одинъ рубль.

10 руб въ годъ, и учителемъ пѣвческаго класса, вмѣсто Дерябина, назначенъ ученикъ философіи *Ѳеодоръ Киселевъ*.

Изъ вѣдомости объ учителяхъ за 1798 г.,[14]) а также изъ приходо-расходной книги этого года, мы видимъ, что Галляховскій оставилъ службу при семинаріи для поступленія на гражданскую службу въ Петербургѣ.[15]) Вмѣсто него библіотекаремъ и учителемъ грамматическаго класса былъ опредѣленъ В. Поповъ, который продолжалъ въ тоже время преподавать исторію и географію. Затѣмъ учителемъ инфимы и фары съ 21 сентября 1798 г. былъ назначенъ братъ Василія Попова—*Михаилъ Поповъ*, окончившій въ семъ году курсъ Тобольской семинаріи; въ февралѣ слѣд. 1799 г. онъ былъ опредѣленъ библіотекаремъ семинаріи.[16]) Далѣе, съ октября мѣсяца 1798 г. расходчикомъ, вмѣсто діакона Ст. Попова, былъ назначенъ священникъ *Гавріилъ Лукіановъ*.[17]) Наконецъ, въ началѣ 1799 г., въ послѣдніе мѣсяцы ректорства Веніамина, новымъ учителемъ семинаріи явился *Григорій Мансветовъ*,—изъ воспитанниковъ Тобольской семинаріи,

---

[14]) Вѣдомости этой нѣтъ въ семинарскомъ архивѣ: см. дѣло конс. архива 1798 г. № 126: Вѣд. Тоб. сем. объ учител. за 1798 г.

[15]) Изъ особаго консисторскаго дѣла видно, что 24 февраля Галляховскій обратился къ преосвященному со слѣд. прошеніемъ: «Съ моею охотою желалъ бы я поступить въ духовное званіе и за великую честь поставилъ бы себѣ принять священническую на себя должность; но я не имѣю вовсе способности, чтобъ быть мнѣ въ семъ званіи. Почему прошу дать мнѣ, не исключая изъ семинаріи и не отставляя отъ теперешней моей должности, аттестатъ, какъ въ моемъ поведеніи, такъ и въ томъ, каково я обучался и проходилъ возложенную на меня должность, чтобъ съ оныхъ заблаговременно я могъ по моей способности сыскать себѣ мѣсто и тѣмъ доставить для жизни моей приличное состояніе». Въ аттестатѣ, выданномъ Галляховскову по резолюціи преосвященнаго, свидѣтельствуется, что онъ сынъ умершаго протоіерея г. Челябинска Филиппа Галляховскаго, обучался въ семинаріи съ 1784 г. съ превосходными успѣхами; по окончаніи ученія, съ 1791 г. опредѣленъ учителемъ грамматическаго, а съ 1794 г. математическаго классовъ, которыя должности проходилъ благоуспѣшно и ревностно, поведеніемъ всегда отличался честнымъ и благонравнымъ. Позднѣе, заявивъ желаніе поступить въ гражданскую службу по С.-Петербургу, Галляховскій, согласно прошенію отъ 12 іюня, былъ уволенъ изъ семинаріи.—Дѣло конс. архива 1798 г. № 129: По прошенію учит. П. Галляховскаго о дачѣ ему о его поведеніи и каково онъ обучался и проходилъ должность аттестата.

[16]) Дѣло сем. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., см. ук. 6-й.

[17]) По указу консисторіи отъ 2 января 1799 г., Лукіановъ былъ отправленъ въ г. Курганъ для производства надъ нимъ слѣдствія по жалобѣ подканцеляриста Наумова объ учиненныхъ ему въ бытность Лукіанова Курганскимъ закащикомъ обидахъ и о разныхъ злоупотребленіяхъ послѣдняго по должности. Ibid. ук. 1-й.

обучавшихся въ С.-Петербургской Александро-Невской семинаріи. Прибывъ изъ Петербурга въ Тобольскъ,[18]) Мансветовъ обратился къ преосвященному съ прошеніемъ о назначеніи ему по семинаріи мѣста. Въ виду того, что ректоръ и префектъ на прошеніи этомъ засвидѣтельствовали, что проситель можетъ преподавать въ семинаріи „классъ высшаго краснорѣчія, также нѣмецкій и математическій“, Мансветовъ 17 января былъ опредѣленъ преосвященнымъ учителемъ этихъ классовъ.[19]) Впослѣдствіи, по оставленіи службы при семинаріи, Мансветовъ сдѣлалъ видную карьеру по духовному вѣдомству, занявъ постъ оберъ-священника арміи и флота; кромѣ сего, онъ извѣстенъ, какъ авторъ „Училища благочестія“ и другихъ произведеній религіозно-нравственнаго содержанія.

Статистическія данныя о числѣ учениковъ семинаріи въ 1795—1798 г.г., по документамъ консисторскаго и семинарскаго архивовъ,[20]) представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ 1795 г. число учениковъ было: въ богословіи 15, философіи 27, риторикѣ 33, поэзіи 24, синтаксимѣ 28, грамматикѣ 32 и въ инфимѣ 49, всего 208 человѣкъ. Изъ нихъ въ теченіе года выбыло: изъ богословіи 8, изъ философіи 6, риторики 10, поэзіи 7, синтаксимы 4, грамматики 9 и изъ инфимы 17, всего 61 ученикъ. Изъ 147 учениковъ, дѣйствительно обучавшихся въ семинаріи къ концу года, состояло 60 на казенномъ и 87 на своемъ содержаніи.

Въ 1796 г. въ богословіи было 11 учениковъ, въ философіи 23, риторикѣ 40, поэзіи 20, синтаксимѣ 24, грамматикѣ 25 и инфимѣ 28, всего 171. Изъ нихъ въ теченіе года выбыло въ приказные 2 и въ причетъ 10, всего 12 человѣкъ. Изъ оставшихся 159 учениковъ состояло 40 на казенномъ и 87 на своемъ содержаніи. Кромѣ сего, въ вѣдомости за этотъ годъ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что нѣкоторые ученики состояли на своемъ содержаніи „съ помощію семинаріи“, т. е. полуказеннымъ; такихъ учениковъ было 38.

Въ 1797 г. въ богословіи было 21 ученикъ, философіи 23, риторикѣ 32, поэзіи 15, спктаксимѣ 14, грамматикѣ 14 и инфимѣ

---

[18]) Въ декабрѣ 1798 г., по приказу ректора, ему было выдано въ уплату за проѣздъ 37 руб.

[19]) Дѣло сем. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., № 2.

[20]) См. выше цитов. вѣдомости объ учителяхъ и ученикахъ Тоб. семин. за 1795—1798 г.г.

54, всего 173 ученика. Изъ нихъ на казенномъ содержаніи состояло 62, на полуказенномъ 8 и на своемъ 103; въ теченіе года изъ семинаріи выбыло четверо.

Наконецъ, въ 1798 г. учениковъ было: въ богословіи 21, философіи 23, риторикѣ 38, поэзіи 13, синтаксимѣ 12, грамматикѣ 13 и инфимѣ 50, всего 170. Изъ нихъ на казенномъ содержаніи состояло 68, на полуказенномъ 1 и на своемъ 101; выбыло въ теченіе года 19.

Приведенныя данныя показываютъ, что число учениковъ при ректорѣ Веніаминѣ было не велико, значительно понизившись сравнительно съ числомъ воспитанниковъ при его предшественникѣ. Обстоятельство это, конечно, не могло не безпокоить семинарское начальство, которое охотно принимало въ семинарію священно-церковно-служительскихъ дѣтей, желавшихъ учиться въ ней. Такъ, въ дѣлахъ консисторскаго архива относительно этого мы находимъ слѣдующія данныя. Въ 1795 г. сынъ умершаго діакона Уковскаго завода М. Словцовъ просился о принятіи въ семинарію для обученія. Преосвященный положилъ на его прошеніи такую резолюцію: „когда сей проситель самъ желаетъ обучаться, принять обучать въ семинарію. Только чтобъ не лѣнился[21])“. Въ августѣ того же года, по резолюціи преосвященнаго, принимается для обученія въ семинарію представленный вдовою пономаря Мутиной сынъ ея[22]). Въ 1796 г. дьячковскія дѣти Д. Рудаковъ, Пономаревъ и Меѳодьевъ, свидѣтельствуя о своемъ желаніи обучаться латинскому діалекту, просили преосвященнаго о принятіи ихъ въ семинарію и, по резолюціямъ его отъ 15 и 27 февраля и 22 ноября, были приняты въ семинарію. Въ томъ же 1796 г. сынъ священника Цвѣтухинъ просилъ объ опредѣленіи его дьячкомъ въ Алапаевскъ съ посвященіемъ въ стихарь, но преосвященный положилъ на этомъ прошеніи такую резолюцію: „Когда сей Цвѣтухинъ ко обученію имѣетъ способность, велѣть ему обучаться въ семинаріи“. Такъ какъ ректоръ засвидѣтельствовалъ, что проситель, повидимому, имѣетъ способность къ ученію, то Цвѣтухинъ и былъ зачисленъ въ число учениковъ семинаріи[23]). 26 января 1797 г., согласно прошенію, принятъ былъ въ семинарію сынъ священника Ал. Инфантъ-

---

[21]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 88: О принятіи ученика въ семинарію.
[22]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 94: О принятіи въ семинарію.
[23]) Дѣло конс. арх. 1796 г. № 112: О принятіи въ Тобольскую сем. дѣтей священника Цвѣтухина, дьячковъ Рудакова, Пономарева и Меѳодьева.

евъ[24]). Въ концѣ 1798 г. на прошеніи священника Срѣтенской церкви г. Тобольска Петрова о принятіи въ семинарію его сына, которому было только 7 лѣтъ, преосвященный положилъ резолюцію: „сына его Іосифа, ежели окажется способнымъ, для обученія въ семинарію принять[25]).

Вмѣстѣ съ симъ семинарское начальство для привлеченія воспитанниковъ въ семинарію и увеличенія ихъ числа, обращалось къ обычному средству, разсылая чрезъ консисторію *указы* по духовнымъ правленіямъ *о высылкѣ въ семинарію священно-церковно-служительскихъ дѣтей* школьнаго возраста. О такихъ дѣтяхъ епархіальное начальство всегда было освѣдомлено надлежащимъ образомъ, потому что духовныя правленія ежегодно представляли преосвященному (за январскую, майскую и сентябрскую трети года) вѣдомости, въ которыхъ прописывалось число церквей, должности и имена священно-церковно-служителей, съ перечисленіемъ ихъ дѣтей мужескаго пола и съ показаніемъ—возраста послѣднихъ, чему и гдѣ они обучаются и какого они состоянія и прилежанія[26]). Духовныя правленія и закащики, съ своей стороны, употребляли всѣ возможныя мѣры, чтобы побудить священно-церковно-служителей къ представленію ихъ дѣтей въ семинарію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовныя правленія по собственной инціативѣ ходатайствовали предъ епархіальнымъ начальствомъ о принятіи священно-церковно-служительскихъ дѣтей въ семинарію. Такъ, Далматовское духовное правленіе въ своемъ рапортѣ отъ 21 августа 1797 г., свидѣтельствуя, что находящійся въ Далматовской русской школѣ сынъ умершаго діакона П. Бутовскій нынѣ читать, пѣть по нотѣ отчасти изучился и писать начинаетъ на семинарскую руку, спрашивало преосвященнаго: не повелѣно ли будетъ взять его въ Тобольскую семинарію и по сиротству и крайнему недостачеству матери на семинарское содержаніе. Преосвященный положилъ на рапортѣ духовнаго правленія такую резолюцію: „за сиротствомъ принять для обученія въ семинарію на коштъ семинаріи[27]). Но духовенство вообще,

[24]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 142: О принятіи Тоб. Воскресенской церкви поповскаго сына А. Инфантьева.

[25]) Дѣло конс. арх. 1798 г. № 127: О принятіи въ сем. поповскаго сына Петрова.

[26]) См., напр., дѣла консист. арх. 1794 г. № 110: Репорты о дѣтяхъ св.-ц.-служителей; 1797 г. № 211, 1798 г. № 227 и 1799 г. № 209: Вѣд. о св-ц-сл. дѣтяхъ; 1799 г. № 161: О высылкѣ подгород. церквей св.-ц.-служ. дѣтей въ семинарію.

[27]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 142: О принятіи діакон. сына Бутовскаго въ семинарію.

очевидно, не особенно соблазнялось благами семинарскаго ученія, потому что, не смотря на указы консисторіи и предписанія духовныхъ правленій, нерѣдко отговаривалось отъ высылки дѣтей въ семинарію своею бѣдностію, недостаточною подготовкою дѣтей, ихъ болѣзнію и другими „благословными винами“. Начальство, подтверждая свои требованія, употребляло для понужденія священно-церковно-служителей къ представленію дѣтей въ семинарію свои мѣры вразумленія. Такъ, по поводу рапорта Алапаевскаго духовнаго правленія отъ 19 сентября 1797 г., что два священника Мурзинской слободы М. Словцовъ и Аятской слободы Ив. Машановъ, не выславшіе въ семинарію своихъ дѣтей, весьма явились ослушными по одному своему упрямству и презрѣнію къ начальству,—консисторія указомъ отъ 7 октября предписала духовному правленію священниковъ Словцова и Машанова за учиненное ими упорство и неповиновеніе указнымъ предписаніямъ, вытребовавъ къ себѣ, выдержать ихъ чрезъ трои сутки подъ стражею, обязать ихъ подписками и непремѣнно понудить къ высылкѣ дѣтей въ семинарію. Подобное же предписаніе консисторія (отъ 1 марта 1798 г.) послала Челябинскому духовному правленію на представленіе послѣдняго, что неоднократно чинимыя имъ подтвержденія священнику села Куликовскаго К. Мухину о высылкѣ сына въ семинарію остаются безуспѣшными[28]).

Кромѣ этихъ обычныхъ средствъ для набора дѣтей въ семинарію, семинарское начальство употребляло и экстраординарныя, такъ сказать, мѣры, чтобы освѣдомиться о годности дѣтей къ школьному ученію и побудить родителей къ представленію ихъ въ семинарію. Такими мѣрами являлись командировки учителей семинаріи по заказамъ для освидѣтельствованія священно-церковно-служительскихъ дѣтей, годныхъ для семинарскаго ученія.—Такъ, 21 іюня 1794 г. вслѣдствіе рапорта ректора о маломъ количествѣ учениковъ, состоящихъ въ первомъ классѣ семинаріи, преосвященный приказалъ учителю Ил. Пѣтухову собрать въ ближайшихъ заказахъ Ишимскомъ и Омскомъ учениковъ, способныхъ къ семинарскому ученію. Консисторія, по сему поводу, приведя на справку указъ Св. Синода отъ 22 февраля 1744 г., повелѣвающій со священно-церковно-служителей, укрывающихъ разными виды дѣтей своихъ, отъ

---

[28]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 139: Отпускъ указовъ въ дух. правленія о высылкѣ разныхъ заказовъ св.-ц.-сл. дѣтей для обученія въ семинарію Тобольскую къ сентябрю мѣсяцу.

10 до 15 лѣтъ, отъ школьнаго ученія, взыскивать на содержаніе семинаріи штрафъ безъ всякаго упущенія: съ протопоповъ 2 руб., съ поповъ 1 руб. 50 коп., діаконовъ 1 руб., съ дьячковъ и пономарей по полтинѣ съ человѣка за каждый мѣсяцъ,—дала на имя Пѣтухова, отъ 31 іюня, указъ, чтобы онъ по реэстру, составленному на основаніи вѣдомостей духовныхъ правленій, освидѣтельствовалъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей Ишимскаго и Омскаго заказовъ, способныхъ для обученія латинскому діалекту, и подалъ о таковыхъ рапортъ. Указомъ же консисторіи отъ 30 іюня Ишимскому духовному правленію было предписано, чтобы закащики, сыскавъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, представили ихъ Пѣтухову и тѣхъ, которыя, по свидѣтельству его, къ бытію семинаріи окажутся способными, выслали въ семинарію къ 1-му сентября, подъ угрозою взысканія съ виновныхъ за непредставленіе въ срокъ штрафа. Изъ донесенія Ишимскаго духовнаго правленія, отъ 2 сентября, усматривается, что оно собрало священно-церковно-служительскихъ дѣтей въ г. Ишимѣ къ 6-му августа, но Пѣтуховъ, прибывъ въ Ишимъ, 4 августа уѣхалъ въ Омскъ, вслѣдствіе чего отцы представленныхъ дѣтей, пробывъ съ 6 по 18 августа и не дождавшись Пѣтухова, должны были разъѣхаться по своимъ домамъ. Только возвращаясь изъ Омска, по пути, Пѣтуховъ освидѣтельствовалъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей и реэстръ способныхъ къ семинарскому ученію представилъ въ духовное правленіе 31 августа. Обстоятельство это вынудило духовное правленіе просить у консисторіи отсрочить на нѣкоторое время представленіе дѣтей въ семинарію[29]).

Въ слѣдующемъ 1795 г. указомъ консисторіи 18 декабря учителю инфимическаго класса П. Бабайлову было сообщено опредѣленіе преосвященнаго, чтобы онъ, по случаю увольненія въ отпускъ въ г. Верхотурье по своей надобности, по способности пути освидѣтельствовать священно-церковно-служительскихъ дѣтей въ заказахъ Тюменскомъ, Ирбитскомъ, Камышловскомъ, Туринскомъ и Верхотурскомъ, отъ 10 лѣтъ и выше, способныхъ обучаться въ семинаріи и реэстръ таковыхъ представилъ преосвященному. Рапортомъ 12 февраля 1796 г. Бабайловъ донесъ преосвященному, что онъ „былъ въ оныхъ заказахъ и со все-

---

[29]) Дѣло конс. арх. 1794 г. № 73: Объ отправленіи учителя перваго класса Ил. Пѣтухова въ Ишимскій и Омскій заказы для выбранія годныхъ св.-ц.-служительскихъ дѣтей въ семинарію.

возможною разборчивостію старался исполнить данную ему повѣренность и находилъ довольно способныхъ дѣтей учиться въ семинаріи, изъ числа коихъ нѣкоторыхъ нашелъ съ ревностію желающихъ быть въ классахъ", каковыхъ, по приложенному къ рапорту реэстру, оказалось 26 человѣкъ. Вслѣдствіе резолюціи преосвященнаго отъ 18 февраля: „по приложенному реэстру священно-церковно-служительскихъ дѣтей приказать представить въ семинарію для апробаціи о. ректору",—въ подлежащія духовныя правленія были посланы консисторскіе указы о представленіи избранныхъ Бабайловымъ дѣтей къ 20-му сентября. Однако, не смотря на „ревностное желаніе" дѣтей поступить въ семинарію, родители не торопились представленіемъ ихъ семинарскому начальству. По крайней мѣрѣ ректоръ 5 ноября рапортовалъ въ консисторію, что изъ 26 назначенныхъ въ семинарію дѣтей еще не явилось 16. Консисторія должна была указомъ 14 ноября, подтверждая свое прежнее требованіе, предписывать духовнымъ правленіямъ о высылкѣ дѣтей непремѣнно къ 1-му декабря[30]).

Въ 1796 г. освидѣтельствованіе исправныхъ въ чтеніи и пѣніи и способныхъ быть въ семинаріи порученно было, поспопутности, учителю П. Галляховскому, уволенному въ г. Челябинскъ для свиданія съ родственниками, въ заказахъ Ялуторовскомъ, Курганскомъ и Челябинскомъ. По представленному имъ 4 ноября реэстру такихъ способныхъ къ семинарскому ученію дѣтей оказалось въ Курганскомъ заказѣ 5 и въ Челябинскомъ 10[31]). Въ томъ же 1796 г. освидѣтельттвованіе священно-церковно-служительскихъ дѣтей въ заказахъ Ишимскомъ и Омскомъ поручено учителю В. Попову, уволенному на вакаціонное время въ г. Ишимъ къ отцу своему, священнику Гр. Попову. Изъ представленнаго имъ 17 сентября реэстра видно, что онъ освидѣтельствовалъ 34 мальчика[32]).

Тѣ способы, къ которымъ прибѣгало семинарское начальство для

---

[30]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 212: О высылкѣ св.-ц.-сл. дѣтей для обученія въ сем. заказовъ Тюмен., Ирбит., Камышл., Турин. и Верхотур., значащихся въ поданомъ при рапортѣ отъ учителя Бабайлова реэстра къ 1-му сентября с. г.

[31]) Дѣло конс. арх. 1796 г. № 114: О увольненіи сем. учит. П. Галляховскаго въ г.г. Ялутор., Кург. и Челяб. для выписыванія въ семинарію св.-ц.-сл. дѣтей.

[32]) Дѣло конс. арх. 1796 г. № 115: О увольненіи Тоб. сем. инспектора В. Попова въ г.г. Ишимъ и Омскъ для набиранія св.-ц.-сл. дѣтей въ семин.

привлеченія священно-церковно-служительскихъ дѣтей въ семинарію, нерѣдко противъ воли родителей и желанія самихъ дѣтей, въ связи съ суровымъ учебно-воспитательнымъ режимомъ и скудною матеріальною обстановкою жизни ея воспитанниковъ, вызывали очень распространенное въ старой духовной школѣ явленіе—побѣги учениковъ изъ семинаріи. Такъ, ректоръ и префектъ 25 мая 1797 г. рапортовали консисторіи, что ученикъ риторическаго класса, сынъ священника Байкаловской слободы, Ирбитскаго заказа, Прок. Карпискій 18 мая неизвѣстно куда изъ семинаріи бѣжалъ. Консисторія 2 іюня постановила: „о сыску онаго бѣжавшаго семинариста Карпискаго, буде онъ въ домѣ отцовскомъ окажется, и о высылкѣ въ консисторію посредствомъ нижнихъ земскихъ судовъ послать въ Ирбитское духовное правленіе указъ“. 28 мая того же года ректоръ и префектъ репортовали консисторіи о побѣгѣ ученика грамматическаго класса Ал. Иконникова. Любопытно по этому поводу консисторское постановленіе, показывающее отношеніе консисторіи къ служащимъ семинаріи. Именно, приведя справку, что бѣжавшій семинаристъ жилъ у брата своего причетника Иконникова, квартировавшаго въ домѣ учителя семинаріи, священника І. Гиганова, что семинаристъ бѣжалъ еще 18 марта, а священникъ Гигановъ и братъ бѣглеца не донесли о побѣгѣ его своевременно семинарскому начальству, консисторія, сдѣлавъ свое распоряженіе о сыскѣ бѣглеца, 4 іюня между прочимъ постановила: священнику Гиганову и причетнику Иконникову за долговременное нерапортованіе о побѣгѣ ученика, призвавъ въ консисторію, сдѣлать строгій выговоръ[33]).

Кромѣ сего, высланныя въ семинарію дѣти иногда оказывались недостаточно подготовленными для обученія въ семинаріи, больными, или родители оказывались не въ состояніи содержать ихъ. Посему семинарское начальство вынуждалось увольнять такихъ дѣтей изъ семинаріи, по прошеніямъ родителей, уже послѣ значительнаго времени пребыванія ихъ въ семинаріи. Такъ, въ январѣ 1795 г. діаконъ Красноярской слободы, Ишимскаго вѣдомства, Т. Васильевъ просилъ объ увольненіи представленнаго имъ въ семинарію сына, потому что, съ одной стороны, онъ хотя читать обученъ, но писать и пѣть по нотѣ еще несовершенно обучился, а съ другой—потому, что по причинѣ имѣющейся у него въ головѣ

---

[33]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 146: О бѣжавш. сем. Пр. Карпинскомъ и Алексѣѣ Иконниковѣ.

болѣзни временемъ мало слышитъ и изъ ушей течетъ матерія. Хотя префектъ и замѣтилъ: „по примѣчанію моему можетъ съ успѣхомъ заниматься въ семинаріи“, но въ виду свидѣтельства лекаря о дѣйствительной болѣзни ученика, онъ былъ уволенъ преосвященнымъ въ домъ отца до выздоровленія[34]). 20-го ноября того же года дѣти—священника села Бороваго, Ишимскаго заказа, П. и Г. Лаврентьевы и—діакона—Куртуковъ были уволены изъ семинаріи, потому что, по донесенію Ишимскаго духовнаго правленія, отцы не въ состояніи содержать ихъ въ семинаріи[35]). 17-го октября 1797 г., уволенъ высланный въ семинарію, но недостаточно подготовленный дьячковскій сынъ П. Анисимовъ къ отцу для обученія чтенію и пѣнію въ Ишимской русской школѣ[36]).

На основаніи вышесказаннаго о составѣ педагогическаго персонала въ учебномъ строѣ семинаріи во время ректорства Веніамина можно отмѣтить слѣдующія перемѣны.

Въ 1795 г. два низшихъ класса семинаріи инфима и фара были соединены въ одинъ классъ. Объяснить такое соединеніе не трудно. Изъ экзаменныхъ вѣдомостей объ ученикахъ за 1791 г. видно, что ученики фары, обученные читать полатыни, обучались латинскому письму, а въ инфимѣ изучались начальныя правила латинской грамматики, и на экзаменѣ ученики того и другого классовъ одинаково должны были слагать оккупаціи и говорить локуціи[37]). Таковая однородная программа инфимы и фары, не полагавшая между ними особенной разницы, можетъ быть, и заставила семинарское начальство соединить эти два класса въ одинъ, въ которомъ на ряду съ изученіемъ латинскаго письма легко было изучать и начальныя правила латинской грамматики.

Затѣмъ въ теченіе указаннаго періода времени прекратилось преподаваніе въ семинаріи краснорѣчія. Учителемъ этого класса въ 1792 г., какъ мы видѣли[38]), былъ назначенъ П. Словцовъ. Послѣ оставленія

---

[34]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 95: Объ уволненіи изъ семинаріи.

[35]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 93: По дополненію Ишим. дух. прав. о увольненіи изъ сем. уволенныхъ изъ оной на вакацію священническихъ П. и Гр. Лаврентьевыхъ и діакон. сына Ив. Куртукова.

[36]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 143: О увольненіи высланнаго въ сем. дьячк. сына П. Анисимова къ отцу для обученія чтенію и пѣнію.

[37]) Тоб. Епар. Вѣдом. 1903 г. № 17,—см. нашу статью: «Очерки изъ исторіи Тоб. дух. семинаріи», стр. 434.

[38]) Ibid., 1904 г. № 1-2, стр. 14.

имъ службы при семинаріи въ 1794 г., какъ усматривается изъ приходо-расходныхъ книгъ 1791 и 1795 г.г., краснорѣчіе преподавалъ префектъ. Въ приходо-расходныхъ же книгахъ 1796 и слѣд. годовъ онъ именуется только учителемъ философіи и за преподаваніе краснорѣчія ему не полагается жалованья. Посему на вопросъ указа Св. Синода 11 февраля 1798 г.: какое ученіе понынѣ преподается и по-прежнему ли оное ученіе впредь производить, или нужно еще что къ тому прибавить?—семинарское начальство даетъ между прочимъ такой отвѣтъ: „сверхъ преподаваемыхъ ученій нужно вновь завести классъ латинскаго и россійскаго краснорѣчія[39])“. Этотъ классъ дѣйствительно и былъ открытъ съ назначеніемъ Гр. Мансветова учителемъ семинаріи. Посему, по ученической вѣдомости за 1799 г., представленной Мансветовымъ, краснорѣчіе въ этомъ году одновременно изучали ученики богословіи и философіи, при чемъ учитель о предметѣ ихъ занятій даетъ такую отмѣтку: „дѣлаютъ переводы изъ лучшихъ латинскихъ писателей, дѣлаютъ латинскія и россійскія подражанія на хорошихъ авторовъ и упражняются въ сочиненіи проповѣдей[40])“.

Вмѣстѣ съ симъ, съ назначеніемъ Мансветова, въ курсъ семинарскихъ наукъ вводится новый предметъ, не преподававшійся ранѣе, именно—нѣмецкій языкъ,—конечно, какъ классъ экстраординарный. Изъ ученической вѣдомости за 1799 г. видно, что въ этомъ году въ классѣ нѣмецкаго языка было 13 учениковъ богословіи, 15 философіи, 2 риторики и 1 поэзіи[41]).

Наконецъ, въ ректорство Веніамина вводится въ семинаріи пѣвческій классъ такъ-же какъ, экстраординарный. Повидимому, въ этомъ классѣ занимались ученики, обладавшіе хорошимъ голосомъ, музыкальнымъ слухомъ и составлявшіе семинарскій хоръ. На это указываетъ и незначительное количество учениковъ, обучавшихся пѣнію (11 и 18), и отмѣтки, которыя дѣлаютъ объ успѣхахъ учениковъ учителя. Такъ, первый учитель пѣнія (Дерябинъ) аттестуетъ нѣкоторыхъ учениковъ:

---

[39]) Дѣло конс. арх. 1798 г. № 128: По указу Св. Синода о присылкѣ въ оный свѣдѣній о домахъ училищныхъ, и сколько въ каждой сем. учителей и о прочемъ. Дѣло сем. арх. 1801 г. № 33-й о классическихъ установленіяхъ, какъ-то о порядкѣ преподовать ученіе и пр.

[40]) Дѣло сем. арх. 1800 г. № 29: Вѣд. объ учит. и ученикахъ за 1799 г. Дѣло конс. арх. 1799 г. № 160: Вѣд. объ учит. и учен. Тоб. сем. за 1799 г.

[41]) Ibid.

„обучилъ азбуку, начинаетъ пѣть канцерты“; второй учитель (Киселевъ) даже о тѣхъ своихъ ученикахъ, которые изучали пѣніе только второй мѣсяцъ, замѣчаетъ: „начинаютъ пѣть канцерты[42])“. Въ качествѣ заключенія о тогдашнемъ учебномъ курсѣ семинаріи нужно сдѣлать замѣчаніе, что предметомъ, обязательнымъ для учениковъ всѣхъ классовъ, но изучавшимся во внѣклассное время, былъ пространный катихизисъ, а для учениковъ высшихъ классовъ (исключая богословію и философію) краткій катихизисъ.

Существовавшій въ семинаріи учебный строй не былъ опредѣленъ доселѣ какими-нибудь точными правительственными распоряженіями и строго регламентированъ начальственными предписаніями. Этотъ строй опредѣлялся, съ одной стороны, общими правительственными законоположеніями, напримѣръ духовнымъ регламентомъ, и нѣкоторыми частными указами Св. Синода[43]), съ другой стороны,—практикой, которая вырабатывалась постепенно лицами, стоявшими во главѣ семинаріи—Тобольскими преосвященными и первыми ректорами, въ дѣлѣ устроенія учебнаго и воспитательнаго строя семинаріи, руководившимися принципами, давно уже установившимися въ южно-русской латинской школѣ. Несомнѣнно, что высшее правительство, не считая выработавшійся практикою учебный строй тогдашней духовной школы окончательнымъ, озабочивалось и улучшеніемъ, и точной регламентаціей его. На это указываетъ, прежде всего, Высочайшій указъ 11 февраля 1798 г., о доставленіи Св. Синоду свѣдѣній о состояніи семинаріи[44]) и, затѣмъ, послѣдовавшій по сему поводу отъ того же 11 февраля 1798 г. указъ Св. Синода. Указъ этотъ очень любопытенъ по возбужденнымъ въ немъ вопросамъ и по отвѣтамъ на эти вопросы семинарскаго начальства, рисующимъ и современное состояніе Тобольской семинаріи, и указывающимъ на желательныя со стороны самого на-

---

[42]) Дѣла сем. арх. 1797 № 25 и 1798 г. № 26 и консист. арх. 1796 г. № 109 и 1797 г. № 138: Вѣд. Тоб. сем. о учителяхъ и ученикахъ за 1796 и 1797 г.г.

[43]) Начальство семинарское изъ узаконеній, опредѣлявшихъ учебный строй семинаріи, указываетъ, кромѣ Духовнаго Регламента, Высочайшіе указы 27 августа 1784 г. (о преподаваніи въ семинаріяхъ греческаго языка,-см. полн. соб. закон. т. XXII, № 16.047) и 15 мая 1785 г. (объ ассигнованіи 2000 руб. на семинарію при коадъюторѣ Кіевской митрополіи,-см. Ibid. № 16.202) и указъ Св. Синода отъ 27 декабря 1785 г.

[44]) Полное собраніе законовъ, т. XXV, № 18.369.

чальства измѣненія въ строѣ семинаріи. Указомъ этимъ Св. Синодъ потребовалъ немедленно доставить ему слѣдующія свѣдѣнія.

1. „Домы училищные, гдѣ находятся нынѣ епаршескія семинаріи, въ какихъ состоятъ мѣстахъ, и способны ли оныя впредь какъ для преподаванія въ нихъ ученія, такъ и для жительства находящихся на казенномъ коштѣ учениковъ? и буде окажется гдѣ нужнымъ перевесть ихъ въ другія мѣста, то по какимъ именно обстоятельствамъ, и какую въ такомъ случаѣ надобно сдѣлать пристройку, съ показаніемъ при томъ, во что оная обойтись можетъ“?—Въ отвѣтъ на этотъ первый вопросный пунктъ указа преосвященный и семинарское начальство отвѣтили, что „Тобольская семинарія занимаетъ мѣсто въ губернскомъ городѣ Тобольскѣ на нижнемъ посадѣ во второклассномъ Знаменскомъ монастырѣ. Собственнаго строенія не имѣетъ, исключая нѣкоторыхъ маловажныхъ деревянныхъ строеній, какъ-то: бани и амбара. Совмѣщается же она касательно жительства учениковъ, нѣкоторыхъ учителей, такожде и преподаванія классовъ и прочихъ для семинаріи надобностей, какъ-то: трапезы, библіотеки и поварни въ одной каменной двоетажной связи длиною около 38, шириною же 8 саженъ состоящей и многіе послѣ пожара поврежденія претерпѣвшей. А равно въ оной же связи Казанская верхняя церковь и Николаевская нижняя церковь, братскія и настоятельскія кельи состоятъ, отчего какъ семинарія, такъ и монастырь великую претерпѣваютъ по причинѣ тѣсноты нужду. А хотя послѣ пожара, случившагося 1788 г. апрѣля 28 дня, на починку упомянутаго монастыря и возведенія вновь строенія со свѣтской стороны планъ и смѣта (по которой означено потребной на все построеніе суммы 37,587 руб. 50 коп.) и объ ассигнованіи оной 1793 г. августа 10 дня изъ Тобольскаго Губернскаго Правленія представлены Правительственному Сенату на благоразсмотрѣніе, и о томъ Св. Синоду тогожъ года сентября отъ 6 репортомъ донесено, но ассигнаціи еще не послѣдовало. Перевесть же оную семинарію, по неимѣнію въ Тобольскомъ домѣ архіерейскомъ для вмѣщенія семинаріи казенныхъ порожнихъ зданій, некуда“.

2. На второй вопросъ синодальнаго указа: „сколько для которой семинаріи потребно людей къ отправленію необходимо нужныхъ службъ и для письменныхъ дѣлъ“?—было отвѣчено: „потребенъ лѣкарь, два повара, два хлѣбника, 4 истопника и одинъ приказный въ должность комисара. Итого числомъ десять человѣкъ“.

3. На третій вопросъ указа: „какимъ порядкомъ и какое ученіе понынѣ преподавалось и по прежнему ли оное ученіе впредь производить или нужно еще что къ тому прибавить“?—семинарское начальство, перечисливъ существовавшіе въ семинаріи 7 ординарныхъ классовъ и классы экстраординарные (исторіи и географіи, математики; татарскаго языка, пѣвческій, пространнаго и краткаго катихизиса), высказало свое сужденіе, что сверхъ вышеписанныхъ преподаваемыхъ ученій нужно вновь завести нѣмецкій классъ и классъ россійскаго и латинскаго краснорѣчія[45]). Преосвященный же къ этому прибавилъ, что нужно завести еще изученіе языковъ обитающихъ въ Тобольской епархіи азіатскихъ народовъ—остяцкаго, вогульскаго и тунгузскаго.

4. По пункту четвертому на вопросы; „сколько въ семинаріи учителей, и впредь настоящаго ихъ числа можетъ ли быть довольно? монахи ли они или священники и свѣтскіе? гдѣ и чему обучались, чему обучаютъ нынѣ? и къ продолженію того обученія способны-ли? и изъ нихъ монахи къ помѣщенію въ число соборныхъ при лаврахъ и въ Донскомъ монастырѣ, а священники при Успенскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ достойны-ли? изъ свѣтскихъ же холостыхъ желаетъ ли кто принять монашество, и надежны ли къ помѣщенію въ число соборныхъ и кто именно?“—семинарское начальство составило особую вѣдомость наличныхъ учителей (ректоръ, префектъ, Бурдуковъ, Пономаревъ, Никитинъ, Галляховскій, Поповъ и Гигановъ), съ показаніемъ ихъ образованія, преподаваемыхъ ими предметовъ, съ отмѣтками о всѣхъ, что они способны къ учительской должности, а о монашествующихъ (ректорѣ) и священникахъ, что они достойны быть при лаврахъ и соборахъ и, наконецъ, два холостыхъ учителя (Галляховскій и Поповъ) сдѣлали въ вѣдомости собственноручную отмѣтку: „монашества принять не желаю“. Въ заключеніе вѣдомости сдѣлано заявленіе: „сверхъ вышеписанныхъ находящихся въ Тобольской семинаріи учителей еще потребны учители: россійскаго и латинскаго краснорѣчія, нѣмецкаго языка, остяцкаго, вогульскаго и тунгузскаго языковъ[46])“.

---

[45]) Какъ мы видѣли, семинарское начальство имѣло возможность въ самомъ непродолжительномъ времени открыть эти классы.

[46]) Дѣло конс. арх. 1798 г. № 128: По указу Св. Синода о присылкѣ въ оный свѣдѣній о домахъ училищ., гдѣ находятся сем., и сколько въ каждой

Требованіе доставленія подобнаго рода свѣдѣній, исходившее отъ Высочайшей власти, указывало на желаніе высшаго правительства установить опредѣленный и единообразный порядокъ въ строѣ духовно-учебныхъ заведеній. Такой порядокъ, хотя и въ общихъ чертахъ, былъ дѣйствительно установленъ указомъ Св. Синода отъ 31 октября 1798 г.[47]). Имѣя въ виду, что указъ этотъ представляетъ собою первый опытъ духовно-учебнаго начальства по регламентаціи административнаго, учебно-воспитательнаго и хозяйственнаго строя академій и семинарій, мы постараемся воспроизвести главныя его положенія, останавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя нашли себѣ извѣстное приложеніе въ строѣ Тобольской семинаріи.

Указомъ отъ 31 октября 1798 г., прежде всего, вносится существенная перемѣна въ административный строй семинаріи,—именно, 10-мъ пунктомъ указа при академіяхъ повелѣно было открыть правленія и, затѣмъ, 12-мъ п. открыть таковыя же и при семинаріяхъ. Доселѣ, находясь въ зависимости отъ епархіальнаго архіерея, какъ своего непосредственнаго начальника, семинарія разсматривалась, какъ одно изъ учрежденій духовнаго вѣдомства. Въ силу своей зависимости отъ епархіальнаго преосвященнаго семинарія должна была зависѣть отъ главнаго органа архіерейскаго управленія—консисторіи. И дѣйствительно семинарское начальство—ректоръ единолично или вмѣстѣ съ профектомъ, какъ своимъ помощникомъ,—по всѣмъ семинарскимъ дѣламъ докладами, рапортами и донесеніями относятся или къ епархіальному архіерею или къ консисторіи; всѣ распоряженія преосвящен-

---

сем. учителей и о проч. Дѣло сем. арх. 1801 г. № 33: О классическихъ установленіяхъ, какъ-то о порядкѣ преподовать ученіе и проч.

[47]) Въ указѣ этомъ, какъ руководительныя указанія, на основаніи которыхъ Св. Синодомъ сдѣланы его постановленія, отмѣчаются: а., Высочайшій указъ отъ 18 декабря 1797 г., 1-мъ пунктомъ котораго повелѣно учредить сверхъ бывшихъ доселѣ двухъ академій въ Москвѣ и Кіевѣ еще двѣ академіи въ С.-Петербургѣ при Александро-невскомъ монастырѣ и въ Казани (см. полн. собр. закон., т. XXIV, № 18.283); б., Высочайшій же указъ 11 января 1798 г., объявленный синодальнымъ членомъ, митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ Гавріиломъ, каковымъ указомъ ему повелѣно потребный порядокъ для благоустройства академій и семинарій учредить сначала въ Невской академіи, съ тѣмъ, чтобъ примѣняясь уже къ оному, и въ прочихъ академіяхъ и семинаріяхъ такимъ же образомъ ученіе происходило; в., репорты епархіальныхъ преосвященныхъ, доставившихъ свѣдѣнія по вышеупомянутому указу Св. Синода отъ 11 февраля 1798 г., и г., учиненное митрополитомъ Гавріиломъ постановленіе, какимъ порядкомъ должно впредь преподаваемо быть въ академіяхъ и семинаріяхъ ученіе.

наго относительно семинаріи обычно передаются семинарскому начальству указами консисторіи, которая, съ свой стороны, въ извѣстныхъ случаяхъ указами же даетъ семинаріи тѣ или другія приказанія. Начальственное отношеніе консисторіи къ семинаріи выражалось иногда даже въ наложеніи взысканій и наказаній на учителей. Вмѣстѣ съ симъ консисторія являлась связующимъ звеномъ между семинаріей и различными—свѣтскими и духовными—учрежденіями и лицами, которыя чрезъ консисторію обращаются въ семинарію и чрезъ консисторію же семинарія даетъ имъ свои отвѣты. Съ другой стороны, до учрежденія правленія, единоличнымъ распорядителемъ и вершителемъ всѣхъ семинарскихъ дѣлъ относительно учителей, учениковъ, экономіи и пр. былъ ректоръ, власть котораго ограничивалась только епархіальнымъ преосвященнымъ, какъ ближайшимъ высшимъ начальствомъ. Съ учрежденіемъ же правленія, семинаріи дается, прежде всего, извѣстная самостоятельность, какъ отдѣльному учрежденію, и затѣмъ, въ управленіе семинаріей вводится коллегіальное начало, въ силу котораго къ управленію семинаріей призываются, кромѣ ректора, и другіе члены семинарской корпораціи. Обстоятельства, при которыхъ было открыто правленіе Тобольской семинаріи, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Получивъ при указѣ Тобольской консисторіи отъ 17 декабря 1798 г. указъ Св. Синода отъ 31 октября, ректоръ и префектъ 1 февраля 1799 г. вошли къ преосвященному съ докладомъ относительно открытія при семинаріи правленія, на каковомъ докладѣ отъ 7 февраля послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: „по сему докладу семинарское правленіе учредить“. Во исполненіе этой резолюціи ректоръ и префектъ 14 февраля постановили: „заготовить зерцало, столъ, сукно и прочія потребности, для присутственнаго мѣста надобныя, и по приготовленіи открыть правленіе надлежащимъ порядкомъ“. Затѣмъ „шестого марта (1799 г.), что было недѣля православія“, правленіе было открыто, и рапортомъ отъ 8 марта ректоръ и префектъ донесли преосвященному, что „правленіе по настоящему порядку исправлено и сего шестого марта съ церковнымъ чиноположеніемъ освящено“. По резолюціи пресвященнаго, положенной на этомъ донесеніи, въ правленіи долженъ былъ присутствовать съ ректоромъ и префектомъ еще учитель риторическаго класса (священникъ М. Бурдуковъ) въ свободное время.[48])

---

[48]) Для надлежащей обстановки правленія, или «судейской», какъ оно иногда именуется въ семинарскихъ документахъ, начальство, по приходо-расход-

Такимъ образомъ первоначальный составъ семинарскаго правленія въ общемъ мало вносилъ коллегіальности въ управленіе семинаріей и едвали особенно ограничивалъ власть ректора. По крайней мѣрѣ дальнѣйшая практика показываетъ, что, при отсутствіи точной регламентаціи правъ и власти правленія, ректоръ и послѣ открытія послѣдняго попрежнему нерѣдко единолично распоряжается семинарскими дѣлами, даетъ по нимъ свои распоряженія и вообще представляется начальникомъ, мало ограниченнымъ властью правленія. И консисторія смотрѣла на учрежденное правленіе только какъ на особое присутственное мѣсто, которое можетъ сноситься съ другими правительственными мѣстами и лицами непосредственно, а не чрезъ консисторію. Посему, увѣдомляя семинарское правленіе о назначеніи его членовъ, консисторія въ своемъ указѣ отъ 11 марта писала: „дабы оное (правленіе) по случающимся дѣламъ до семинаріи требованія свои о чемъ-либо отъ духовныхъ правленій и свѣтскихъ нижнихъ правительствъ, во избѣжаніе излишнихъ переписокъ, чинило, не занимаясь перепискою съ консисторіею, прямо отъ себя на законномъ основаніи, о чемъ въ Тобольское Губернское Правленіе сообщить (и сообщено), а духовнымъ и монастырскимъ правленіямъ дано знать указами“. Но замѣчательна сила установившейся традиціи и существовавшаго обычая. Дѣла семинарскаго и консисторскаго архивовъ показываютъ, что, не смотря на учрежденіе правленія, практика письменныхъ сношеній семинаріи правленія съ учрежденіями и лицами осталась прежняя. Какъ будтобы семинарское правленіе не признало своей правоспособности въ дѣлѣ сношеній съ учрежденіями и лицами, а консисторія позабыла свой собственный указъ, уполномачивавшій правленіе самостоятельно и непосредственно отъ себя сноситься съ таковыми, и попрежнему, въ теченіе еще долгаго времени, правленіе всѣ свои сношенія съ учреж-

ной книгѣ 1799 г., въ мартѣ издержало 3 р. 50 к. для исправленія отведеннаго для него помѣщенія, 2 р. 60 к. на красное сукно, 7 р. за столъ, зерцало и 4 стула, 3 р. за позолоту зерцала и покраску стульевъ, въ апрѣлѣ—1 р. 50 к. за печать, 30 к. за 3 чернильницы, 20 к. за перья, въ іюнѣ—50 к. на перочинный ножикъ, въ октябрѣ—2 р. на ножичекъ, счеты и пр., а въ апрѣлѣ 1800 г. 5 руб. за печать по новому образцу.—Относительно этого послѣдняго указанія нужно замѣтить, что о перемѣнѣ Россійскаго Императорскаго герба на печатяхъ послѣдовалъ въ консисторію особый указъ Св. Синода отъ 12 сентября 1799 г., сообщенный консисторіей семинарскому правленію отъ 22 октября. Во исполненіе этого указа правленіе и постановило сдѣлать новую печать.—Дѣло сем. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., пост. № 26, указъ 30-й.

деніями и лицами ведетъ чрезъ консисторію. Между тѣмъ вновь открытое правленіе сообщило о назначеніе членомъ его священнику М. Бурдукову, который былъ приведенъ къ присягѣ. Вмѣстѣ съ симъ отъ 9 марта правленіе просило преосвященнаго, „по нимѣнію при семинаріи для производства письменныхъ дѣлъ писцовъ, о опредѣленіи къ таковой должности по способности оной же семинаріи ученика богословіи Якова Андреева“, который 12 марта былъ утвержденъ преосвященнымъ въ должности письмоводителя, съ жалованьемъ 20 р. въ годъ, и 21 марта приведенъ къ присягѣ.[49])

Затѣмъ, Св. Синодъ, имѣя въ виду, что Высочайшимъ указомъ отъ 18 декабря 1797 г.[50]) для образованія учителей, кромѣ двухъ существовавшихъ академій въ Москвѣ и Кіевѣ, учреждены еще двѣ академіи — въ С.-Петербургѣ и Казани, 7-мъ пунктомъ своего указа отъ 31 октября 1798 г. предписывалъ епархіальнымъ преосвященнымъ, избирая изъ семинарій своихъ лучшихъ учениковъ, чрезъ два года присылать ихъ въ академію по два человѣка такъ, чтобъ, когда прежде присланные поступятъ въ богословію, другіе поступали въ философію: почему и будетъ изъ каждой семинаріи обучаться въ академіяхъ по четыре человѣка. По 9-му пункту указа, въ Казанскую академію должны были посылаться студенты изъ шести семинарій — Астраханской, Тобольской, Нижегородской, Вятской, Тамбовской и Иркутской. 8-мъ пунктомъ предписывалось, въ виду дороговизны содержанія въ академіи посылаемыхъ студентовъ, на платье, бѣлье и обувь, а равно на проѣздъ и отъѣздъ давать ученикамъ изъ тѣхъ семинарій, изъ которыхъ кто присланъ будетъ. Наконецъ, поставляя семинаріи въ учебномъ отношеніи подъ руководство академій, указъ въ 16-мъ пунктѣ между прочимъ говорилъ: „Дабы съ лучшимъ успѣхомъ ученіе въ семинаріяхъ происходило, для сего потребно каждой семинаріи имѣть свѣденіе о порядкѣ ученія, преподаваемаго въ той академіи, куда будутъ присылаемы для образованія семинаристы; равно и каждая академія должна также имѣть свѣденіе о порядкѣ ученія

---

[49]) Дѣла конс. арх. 1799 г. № 165: О учрежденіи при Тоб. сем. правленія о публикованіи онаго по всѣмъ духовнымъ и монаст. правленіямъ и 164: О опредѣленіи въ Тоб. сем. правленіе писцемъ богословіи студента Якова Андреева. Дѣло сем. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., см. въ этомъ дѣлѣ постановл. правленія подъ №№ 1, 3 и 4 и указы 3, 9 и 11-й.

[50]) Полн. собр. закон. т. XXIV, № 18273.

въ тѣхъ семинаріяхъ преподаваемаго; ректору же академіи при всякомъ случаѣ; гдѣ нужда потребуетъ, дѣлая свои замѣчанія, служить тѣмъ семинаріямъ потребными совѣтами и наставленіемъ".—Когда Казанская консисторія отношеніемъ отъ 29 ноября 1798 г. сообщила Тобольской консисторіи объ открытіи Казанской академіи и потребовала присылки въ нее студентовъ изъ Тобольской семинаріи, ректоръ и префектъ докладомъ отъ 7 февраля 1899 г. на имя преосвященнаго признали достойными отправленія во вновь открытую академію студентовъ, переведенныхъ въ богословскій классъ, Игнатія Андреева и Ивана Брызгалова, которые, съ утвержденія преосвященнаго, и были отправлены въ Казань,[51]) Студенты эти, поступившіе въ Казанскую академію, содержались на деньги, высылавшіяся имъ изъ суммъ Тобольской семинаріи. Такъ, по приходо-расходной книгѣ 1799 г., въ маѣ мѣсяцѣ имъ было выслано 25 р. и въ сентябрѣ выдано проѣзжавшему изъ Пекина въ Казань церковнику 25 же руб., съ тѣмъ, чтобы, по пріѣздѣ въ Казань, доставилъ эти деньги Тобольскимъ студентамъ, обучавшимся въ академіи.[52])

Что же касается зависимости отъ Казанской академіи Тобольской семинаріи въ учебномъ отношеніи, то таковая, проявляясь отчасти уже въ ректорство преемника архимадрита Веніамина, продолжалась недолго, потому что Казанская академія была вскорѣ закрыта и обращена въ семинарію. Съ реформой же духовно-учебныхъ заведеній Тобольская семинарія, какъ вошедшая въ Московскій духовно-учебный округъ, поставлена была въ зависимость въ административномъ учебномъ и экономическомъ отношеніи отъ Московской академіи. Зависимость отъ Казанской академіи возобновилась много позднѣе, послѣ открытія въ Казани новой реформированной академіи.

---

[51]) Дѣло конс. арх. 1799 г. № 168: Объ отправленіи Тоб. сем. вновпереведенныхъ въ богословскій классъ учениковъ Игн. Андреева и Ив. Брызгалова въ Казан. академію. Дѣло сем. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., см. постан. № 4. По приходо-расходной книгѣ 1799 г., отправляемымъ въ академію студентамъ въ февралѣ было куплено по тулупу, шапкѣ, сюртуку и пр. всего на 38 р. 30 к., выдано на провизію 10 р. и на прогоны 48 р.

[52]) Объ этихъ послѣднихъ деньгахъ, своевременно не доставленныхъ по назначенію, впослѣдствіи возникла цѣлая переписка семинарскаго правленія съ Казанью. См. дѣла сем. арх. 1800 г. № 38: О вступающихъ въ семин. правл. прошеніяхъ, рапортахъ и сообщеніяхъ, №№ 2 и 15 и 1800 г. № 39: О отходящихъ дѣлахъ, № 2.

Далѣе въ указѣ Св: Синода отъ 31 октября 1798 г. дается не мало руководительныхъ указаній относительно учебнаго строя семинаріи: Именно, 16-мъ пунктомъ указъ предписывалъ: „Вообще во всѣхъ семинаріяхъ наблюдать: 1) чтобъ вмѣсто читаемой прежде Риторики Бургіевой была изъясняема новоизданная; 2) чтобъ вниманія малолѣтныхъ учениковъ по крайней мѣрѣ до синтаксимы многими ученія предметами не обременять: довольно, есть ли сверхъ ординарнаго класса назначится одинъ экстраординарный. Когда же поступятъ они въ классъ поэзіи, и начнутъ оказывать успѣхи, тогда смотря по способности и расположенію каждаго, можно будетъ и болѣе классовъ и языковъ назначить; 3) но поелику усмотрѣно, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ знаніе латинскаго языка пришло почти въ упадокъ: то обучающихся въ семинаріяхъ нужно до философіи упражнять въ переводахъ Цицероновыхъ писемъ и рѣчей; 4) какъ Св. Синоду нужно знать, вездѣли по академіямъ и семинаріямъ соблюдается установленный для ученія порядокъ, для того преосвященнымъ архіереямъ въ присылаемыхъ ежегодно въ Св. Синодъ вѣдомостяхъ о учителяхъ и ученикахъ, показывать нужно и то, что въ какомъ классѣ и какимъ порядкомъ было преподаваемо; 5) чтобъ ученики съ самыхъ нижнихъ классовъ обучали прежде сокращенный, а потомъ пространный катихизисъ; по воскреснымъ же днямъ преподаваемый публично слушали всѣ непремѣнно; 6) чтобъ сверхъ обученія въ школахъ умѣли всѣ исправно читать по церковнымъ книгамъ, и пѣть при службѣ Божіей; выходя же изъ училища знали бы и уставъ церковнаго круга: ибо незнаніе сего дѣлаетъ великое для учащихся посрамленіе; 7) наконецъ, чтобъ въ продолженія бытія въ училищахъ пріобрѣтали ученики нужныя свѣдѣнія о сельской и домашней экономіи, и имѣли бы нѣкоторое понятіе о врачеваніи болѣзней: посему для перваго заставлять ихъ въ назначенные особо часы читать книги къ тому служащіе, которыя и имѣть въ библіотекахъ; для втораго же употреблять по очереди въ помощь лѣкарскому ученику по нѣскольку изъ семинаристовъ, которые бы присматриваясь къ образу лѣченія замѣчали притомъ, какія для какой болѣзни болѣе употребляются лѣкарства; а паче о такихъ, которыя бы можно было простому народу получать въ своихъ селеніяхъ изъ тамошнихъ произрастеній: ибо такимъ образомъ кромѣ общей пользы могутъ они въ будущее время въ обонхъ

вышесказанныхъ случаяхъ служить своимъ прихожанамъ совѣтомъ или наставленіемъ, и чрезъ то снискивать особую у нихъ довѣренность ко внушеніямъ существенною своего должностію налагаемымъ".

Насколько подобнаго рода указанія осуществлялись въ Тобольской семинаріи на практикѣ, можно видѣть изъ сохранившихся въ семинарскомъ и консисторскомъ архивахъ особыхъ „показаній дней и часовъ преподаваемыхъ въ семинаріи ученій", которыя представлялись семинарскимъ начальствомъ на утвержденіе преосвященнаго и затѣмъ препровождались при вѣдомости объ учителяхъ и ученикахъ въ Св. Синодъ. Изъ такихъ показаній мы приводимъ утвержденное преосвященнымъ 19 января 1799 г.,—въ годъ, когда ректоръ Веніаминъ закончилъ свою службу при семинаріи. Это показаніе, опредѣляющее въ главныхъ чертахъ, до реформы учебныхъ заведеній, установившійся въ Тобольской семинаріи порядокъ классическаго ученія, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Классъ богословскій.* Занятія производились во всѣ учебные дни недѣли, утромъ съ $8^1/_2$ до 10 часовъ, а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ и послѣ обѣда—съ $2^1/_2$ до 4 часовъ лѣтомъ и съ $1^1/_2$ до 3 часовъ зимою; въ св. четыредесятницу послѣобѣденныя занятія производились въ понедѣльникъ, вторникъ и четвергъ съ $12^1/_2$ до 3 часовъ.

2. *Классъ философскій.* Ученіе производилось въ тѣ же дни и часы.

3. *Классъ высшаго краснорѣчія*—во всѣ учебные дни недѣли съ 7 до $8^1/_2$ часовъ утра.

4. *Классъ риторическій*—во всѣ учебные дни недѣли съ 8 до 10 часовъ утра, а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ и послѣ обѣда, лѣтомъ съ 2 до 4, зимою съ 1 до 3 часовъ; въ великій постъ послѣобѣденныя занятія производились въ понедѣльникъ, вторникъ и четвергъ съ часу до 3-хъ. Въ этихъ четырехъ классахъ, по словамъ показанія, занятія производились методомъ, указаннымъ въ указѣ Св. Синода 31 октября 1798 года.

5. *Классъ піитическій*—порядокъ уроковъ, какъ въ риторикѣ. Ученики изучали россійскую поэзію архим. Аполлоса, латинскую просодію по грамматикѣ Лебедева, занимались переводами изъ Овидія, Виргилія и Горація на россійскую прозу и стихи и сочиненіемъ ла-

тинскихъ и россійскихъ собственныхъ стиховъ и читали начальныя правила изъ риторики о сочиненіи періодовъ.

6. *Классъ синтаксическій.* Занятія производились во всѣ учебные дни недѣли съ $7\frac{1}{2}$ до 10 ч. утра, а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ и послѣ обѣда—лѣтомъ съ половины 2-го до 4-хъ часовъ, а зимою съ половины перваго до 3-хъ часовъ; въ великій постъ въ понедѣльникъ, вторникъ и четвертокъ въ тѣ же часы, въ какіе производились занятія въ зимнее время. Ученики дѣлали переводы съ россійскаго на латинскій, а паче съ латинскаго на россійскій языкъ изъ Цицероновыхъ писемъ и прочихъ лучшихъ авторовъ и изучали правила латинской просодіи по грамматикѣ Лебедева.

7. *Классъ грамматическій*—занятія происходили въ тѣже часы, что и въ синтаксимѣ; изучался по грамматикѣ Лебедева синтаксисъ и ученикамъ давались переводы на латинскій съ россійскаго и съ латинскаго на россійскій языкъ изъ Корнелія Непота, Видимаго свѣта и прочихъ симъ подобныхъ.

8. *Классъ инфимическій.* Занятія производились во всѣ учебные дни недѣли съ $7\frac{1}{4}$ до 10 часовъ утра, а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ и послѣ обѣда съ $1\frac{1}{4}$ до 4-хъ часовъ лѣтомъ и съ $12\frac{1}{4}$ до 3-хъ ч. зимою и въ великій постъ (по понедѣльникамъ, вторникамъ и четвергамъ). Ученики обучались по грамматикѣ Лебедева читать и писать, занимались переводами и изъ словаря изучали вокабулы.

9. *Классъ греческій*—въ понодѣльникъ, вторникъ и четвергъ съ 6 до 7 часовъ утра,—изучалась греческая грамматика; выучивались на память разговоры, по усмотрѣнію учителя, изъ Посселія, и дѣлались переводы изъ Златоуста, Григорія Назіанзина, Василія Великаго, Демосѳена и пр.

10. *Классъ исторіи и географіи*,—занятія—во вторникъ и совъ—состояли въ изученіи всемірнаго земнаго шара, важнѣйшихъ его частей, линій и мѣстъ, эпохъ и эръ временъ и періодовъ, съ присовокупленіемъ дѣяній.

11. *Классъ математическій*,—во вторникъ и четвергъ (въ вел. постъ въ среду и пятокъ) съ 2 до 4-хъ часовъ изучались ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра, оптика, діоптрика, катоптика, механика и далѣе.

четвергъ (а въ вел. постъ въ среду и пятокъ) съ 12 до 2-хъ ча-

12. *Классъ нѣмецкій,*—въ понедѣльникъ и четвергъ съ 9 до 11 1/2 часовъ и въ субботу съ часу до 3-хъ.

13. *Классъ татарскій,*—въ среду, пятокъ и субботу съ 6 до 7 часовъ утра.

14. *Классъ пѣвческій,*—занятія производились въ праздничные дни и послѣ обѣда во вторникъ, четвергъ и субботу.

15. *Пространный катихизисъ*—во всѣ воскресные дни съ 7 1/2 до 9 часовъ предъ литургіей.

16. *Краткій катихизисъ*—преподавался въ низшихъ классахъ, начиная съ инфимы до философіи; задавалось на воскресные дни выучить урокомъ.

Опредѣляя учебный строй семинарій, указъ Св. Синода 31 октября 1798 г. вмѣстѣ съ симъ, выходя изъ задачъ и цѣлей, съ которыми учреждены духовно-учебныя заведенія, даетъ соотвѣтствующія указанія относительно качествъ, требуемыхъ отъ учителей, относительно мѣръ и средствъ воспитательнаго надзора за учениками и проч. „Во всѣхъ академіяхъ и семинаріяхъ, говорится въ 19 п. указа, поступать по силѣ Духовнаго Регламента и послѣдовавшихъ изъ Св. Синода указовъ, имѣя крайнее попеченіе, чтобъ кромѣ ученія насаждаемо было въ юношествѣ благонравіе. На сей конецъ какъ начальниковъ въ училища, такъ и учителей избирать не только искусныхъ въ наукахъ, но испытанныхъ и въ добромъ поведеніи, которые бы примѣромъ своимъ располагая юношество къ трудамъ въ наукахъ и ко всякому благому дѣлу, старались при всякомъ случаѣ внушать имъ правила благонравія, служащія къ сохраненію ихъ непорочности сколько въ настоящее время, а наипаче для того званія, къ коему они приготовляются; особенно же вкореняя въ нихъ всегда страхъ Божій, располагали бы ихъ къ трезвости и удаляя отъ нихъ грубость, обманъ, пьянство и ябеду, приспособляли заблаговременно, какимъ бы образомъ наилучше могли они обращаться въ будущее время въ своими прихожанами? И для того за всѣми учениками, какъ состоящими на казенномъ, такъ и на своемъ коштѣ, и живущими въ училищахъ и на квартирахъ, опредѣлять по разсмотрѣнію инспекторовъ поведенія честнаго, кои бы наблюдая за поведеніемъ прочихъ, доносили, о чемъ слѣдуетъ, начальству; а сему разсматривая чинить виновнымъ исправленія. Есть-ли же паче чаянія ученикъ въ проступкахъ или порокахъ

своихъ по многократнымъ увѣщаніямъ не исправится, таковаго изъ училища исключать, и ту выключку и всѣ вины его записать въ журнальной книгѣ, каковыя должны быть при каждомъ училищѣ". Въ связи съ этимъ можно поставить опредѣленіе, выраженное въ 15 п. указа: „Отнынѣ впредь изъ семинарій для усовершенія въ наукахъ никого въ другія училища не посылать, равно и въ свѣтскія команды безъ вѣдома Св. Синода не увольнять".

Не останавливаясь пока на пожеланіяхъ и указаніяхъ, выраженныхъ въ первой половинѣ 19-го пункта, которыя въ общемъ являлись начальственными pia desideria, нерѣдко расходившимися съ горькой дѣйствительностію, не говоря пока объ опредѣляемыхъ указомъ мѣрахъ воспитательнаго надзора, изъ коихъ нѣкоторыя несомнѣнно уже существовали въ практикѣ семинаріи,—мы обратимъ вниманіе на категорически рѣшаемый указомъ вопросъ о неувольненіи воспитанниковъ изъ семинарій ни въ какія другія училища и въ свѣтскія команды. Такое рѣшеніе этого вопроса объясняется установившейся практикой, обратившей семинаріи въ узко-сословныя учебныя заведенія, подготовлявшія своихъ воспитанниковъ, если не de jure, то de facto, къ службѣ на священно-церковно-служительскихъ должностяхъ. Вслѣдствіе сего, еще на школьной скамьѣ, обыкновенно въ высшихъ классахъ, воспитанники семинаріи присоединялись къ духовному чину чрезъ посвященіе ихъ въ стихарь. Такъ, ректоръ, въ апрѣлѣ 1795 года, представляя списокъ 5 учениковъ философіи и 12 учениковъ риторики, докладывалъ преосвященному: „Поелику сіи обучающіеся философіи и риторики ученики дознаны мною въ поведеніи своемъ честными и въ ученіи благопоспѣшными, а потому способными къ проповѣданію слова Божія, яко главнѣйшаго ихъ ученія предмета. Но какъ къ сему для соблюденія благочинія церковнаго потребно на сій случай имѣть церковное одѣяніе, именуемое стихарь, котораго они на себя возлагать Архипастыраго Вашего благоизволенія еще не получили. Почему и пріемлю смѣлость для сего Вашему Высокопреосвященству ихъ покорнѣйше представить". По резолюціи преосвященнаго отъ 28 апрѣля, представленные ученики были испытаны въ знаніи катихизиса и, затѣмъ, по приведеніи къ исповѣди и присягѣ, въ первыхъ числахъ мая посвящены въ стихарь.[53]) Посему даже на воспитанни-

[53]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 85: О производствѣ учениковъ въ стихарь.

ковъ, уволенныхъ изъ семинаріи по неспособности къ ученью, епархіальное начальство смотрѣло, какъ на кандидатовъ для занятія низшихъ церковно-служительскихъ должностей. По увольненіи изъ семинаріи они отправлялись въ заказныя школы или въ домы родителей для обученія чтенію и нотному пѣнію и показывались въ третныхъ вѣдомостяхъ о св.-ц.-служительскихъ дѣтяхъ, съ означеніемъ чему они обучаются и какой успѣхъ въ томъ оказываютъ. Иллюстраціей къ сказанному могутъ служить слѣд. факты.

Въ началѣ іюня 1795 г., по докладу ректора преосвященному, были уволены, какъ неспособные къ дальнѣйшему прохожденію словесныхъ наукъ, изъ риторики 5 человѣкъ, изъ поэзіи 2, синтаксимы 4, грамматики 2, инфимы 1 и фары 5 человѣкъ. Изъ нихъ 11 человѣкъ, согласно прошеніямъ, были уволены въ домы родителей и родственниковъ, съ тѣмъ, чтобы исправно обучившись подъ присмотромъ закащиковъ чтенію, пѣнію, катихизису и письму, явились на разсмотрѣніе къ преосвященному, при чемъ высказывается угроза, что оказавшіеся неисправными будутъ отосланы въ свѣтскую команду.[54]) Въ 1796 г. были уволены изъ семинаріи, по неспособности къ продолженію классическаго ученія,—въ маѣ ученикъ риторики Ст. Дерябинъ и въ апрѣлѣ ученикъ инфимы Ап. Меодіевъ, а въ ноябрѣ ученикъ Р. Правдухинъ, какъ не оказывающій никакихъ успѣховъ по частымъ и продолжительнымъ побѣгамъ и по слабымъ своимъ дарованіямъ, при чемъ семинарское начальство сдѣлало ссылку на 17 и 18 регулы Духовнаго Регламента, коими такихъ учениковъ, дабы они напрасно не тратили времени, велѣно исключать изъ училищъ. При этомъ консисторія постановила показывать Меодіева въ третныхъ вѣдомостяхъ съ означеніемъ, чему онъ обучается и какой успѣхъ въ томъ оказывать будетъ, а Правдухинъ для совершеннаго обученія чтенію и нотному пѣнію былъ отправленъ въ Туринскую русскую школу.[55]) Въ февралѣ того же 1796 г. уволенные изъ семинаріи четыре ученика, какъ крайне неисправные въ чтеніи и пѣніи, были отправлены въ подлежащія духовныя правленія, съ тѣмъ, чтобы закащики отцевъ ихъ обязали подписками объ обученіи уво-

[54]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 86: Объ увольненіи учениковъ для обученія въ домы.

[55]) Дѣло конс. арх. 1796 г. № 111: Рапорты о выключенныхъ изъ семинаріи ученикахъ Дер., Мео. и Правдухинѣ.

ленныхъ чтенію по книгамъ и пѣнію по нотѣ въ твердость чрезъ полгода и потомъ съ выборами прихожанъ представили для опредѣленія къ церквамъ на праздныя причетническія мѣста.[56]) Въ январѣ 1797 г., какъ не подающіе никакой надежды къ успѣшному ученью, были уволены изъ семинаріи—одинъ ученикъ поэзіи, 2—синтаксимы, 1—грамматики и 3 фары; изъ нихъ одинъ былъ опредѣленъ пономаремъ въ Знаменскій монастырь, а остальные должны были обучаться чтенію и пѣнію или въ русской школѣ, или въ домахъ родителей.[57]) По резолюціи преосвященнаго 26 января 1797 г., уволенный изъ семинаріи за слабостію дарованій ученикъ поэзіи Фил. Корнильевъ, согласно прошенію, былъ опредѣленъ въ число братства Знаменскаго монастыря въ надеждѣ монашества.[58]) Наконецъ въ январѣ 1798 г. были исключены изъ семинаріи по неспособности—изъ риторики 2 ученика, поэзіи 2, синтаксимы 2, грамматики 3 и инфимы 4; изъ нихъ одинъ поступилъ въ приказные, а остальные должны были обучаться въ заказныхъ школахъ.[59])

Вмѣстѣ съ симъ желающіе изъ семинаристовъ, на основаніи особаго указа Св. Синода, опредѣлялись на канцелярскія должности въ духовную консисторію. Указомъ этимъ отъ 18 ноября 1793 г. предписывалось на открывающіяся какъ въ Московской Св. Синода конторѣ, такъ и въ епаршескихъ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ на канцелярскія вакансіи опредѣлять преимущественно предъ прочими изъ обучившихся въ академіяхъ и семинаріяхъ св.-ц.-служительскихъ дѣтей, умѣющихъ писать исправно, и такихъ, въ коихъ усмотрѣна будетъ къ симъ должностямъ способность. Вслѣдствіе сего и Тобольская консисторія при нуждѣ, для пополненія штата своихъ приказныхъ служителей, обращалась къ семинаристамъ. Такъ, 17 декабря 1798 г. консисторія представила преосвященному докладъ, въ которомъ, указывая на то, что въ штатѣ консисторіи не достаетъ 4-хъ человѣкъ, просила, неблагоугодно ли будетъ опредѣлить на эти вакан-

[56]) Дѣло конс. арх. 1796 г. № 113: О уволеніи св.-ц.-сл. дѣтей къ отцамъ для обученія чтенію и пѣнію чрезъ полгода.

[57]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 144: Рапортъ ректор. архим. Веніамина, сколько уволено неспособныхъ къ ученію изъ сем. дѣтей.

[58]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 122: О опредѣленіи учен. поэзіи Ф. Корнильева въ Тоб. Знам. монастырь въ братство.

[59]) Дѣло конс. арх. 1798 г. № 132: О выключкѣ изъ сем. учениковъ по неспособности ихъ къ ученію.

сіи изъ учениковъ Тобольской семинаріи. Согласно прошеніямъ, на службу въ консисторію были опредѣлены ученики—философіи М. Корниловъ, риторики Ан. Нагибинъ и синтаксимы Пр. Земляницынъ,— по постановленію самой консисторіи Нагибинъ и Земляницынъ копіистами, а Корниловъ „за честь ученія и по исправному въ письмѣ характеру“ подканцеляристомъ.[60]) По резолюціи преосвященнаго 5 февраля 1799 г., былъ опредѣленъ, согласно прошенію, въ приказные консисторіи ученикъ риторики Вас. Кузовниковъ.[61])

Что касается увольненія учениковъ семинаріи на службу по гражданскому вѣдомству, по требованіямъ свѣтскихъ властей, то епархіальное начальство, вынуждаясь выполнять такого рода требованія, старалось при этомъ обыкновенно освободиться отъ такихъ воспитанниковъ, которые представлялись непадежными къ продолженію богословскаго образованія. Такъ, когда 16 ноября 1795 г. Тобольское намѣстническое правленіе просило консисторію о присылкѣ въ Казенную Палату желающихъ семинаристовъ для обученія винокуренію, консисторія, сообщая о требованіи Намѣстничества, писала ректору: „не отыщется ли въ семинаріи учениковъ, желающихъ ко вступленію въ науку винокуренія, такихъ однако, кои не нужны къ продолженію ученія въ высшихъ классахъ“. На такой запросъ ректоръ далъ отвѣтъ, что среди семинаристовъ желающихъ поступить въ винокуры не отыскалось.[62]) Отъ 26 октября того же года Казенная Палата просила консисторію о присылкѣ изъ обучающихся въ семинаріи учениковъ пяти человѣкъ для помѣщенія на писарскія вакансіи въ винокуренные заводы, соблазняя такихъ желающихъ жалованьемъ 60 рублей въ годъ. Сообщая о требованіи Казенной Палаты, консисторія 29 ноября писала семинарскому начальству: „не отыщется ли желающихъ, такихъ однакожъ, кои не нужны къ занятію высшихъ классовъ, но писать умѣющихъ“. 5 декабря семинарія отвѣтила, что желающихъ не явилось.[63])

---

[60]) Дѣло конс. арх. 1798 г. № 145: О опредѣленіи въ Тоб. консисторію канцеляристовъ.

[61]) Дѣло конс. арх. 1799 г. № 143: О опредѣленіи Тоб. сем. риторики ученика В. Кузовникова въ консисторію копіистомъ.

[62]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 90: По сообщенію Тоб. Намѣстничества о присылкѣ желающихъ семинаристовъ для обученія винокуренію.

[63]) По сообщенію Тоб. Каз. Палаты, коимъ требовала о присылкѣ изъ обучающихся въ сем. учениковъ пяти человѣкъ для помѣщенія на писарскія вакансіи въ винокуренные заводы.

Такое право ближайшаго епархіальнаго начальства увольнять учениковъ семинаріи для поступленія на гражданскую службу было ограничено 15-мъ пунктомъ указа Св. Синода 31 октября 1798 г., запретившимъ увольнять семинаристовъ въ свѣтскія команды безъ вѣдома Св. Синода. Однако потомъ самъ Св. Синодъ указомъ 9 марта 1799 г. дополнительно далъ знать Тобольскому преосвященному, что такое запрещеніе относится только къ студентамъ богословія и философіи; увольненіе же учениковъ низшихъ классовъ предоставляется собственному усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ, по уваженію обстоятельствъ и способностей къ наукамъ просящихъ увольненія.[64]) Посему, когда въ 1799 г., уже послѣ синодскаго разъясненія относительно увольненія учениковъ изъ семинаріи, Тобольскій губернскій оберъ-фортшмейстеръ Пападопуло обратился въ консисторію съ просьбою уволить въ фортшмейстерскіе ученики двухъ желающихъ семинаристовъ, консисторія предписала семинарскому правленію „предложить ученикамъ, неспособнымъ къ семинарскому ученію ниже философскаго класса, поступить въ фортшмейстерскіе ученики“. Къ сему консисторія присовокупляла: „буде скажутся желающіе, то избрать двухъ больше прочихъ способныхъ къ сей должности, дабы впослѣдствіи не сдѣлали они стыда семинаріи“. Вслѣдствіе такого предложенія былъ уволенъ изъ семинаріи въ фортшмейстерскіе ученики, согласно желанію, ученикъ синтаксимы Яковъ Пѣтуховъ.[65])

Равнымъ образомъ и запрещеніе, выраженное въ томъ же 15-мъ пунктѣ указа Св. Синода 31 октября 1798 г., посылать учениковъ изъ семинаріи для усовершенія въ наукахъ въ другія училища, было отмѣнено потомъ по отношенію къ семинаристамъ, желающимъ поступить въ медико-хирургическую академію. Именно, по указу Св. Синода отъ 13 іюня 1799 г., ученики, желающіе, по требованію врачебныхъ управъ, поступить въ медико-хирургическія академіи, должны были увольняться изъ семинарій безъ всякой задержки.[66])

---

[64]) Дѣло конс. арх. 1799 г. № 167: Указъ изъ Св Синода, которымъ дано знать о увольн. изъ сем. учениковъ... Дѣло семин. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., № 7, указъ 14-й.

[65]) Немного позднѣе тотъ же Пападопуло просилъ объ увольненіи въ приказные служители по его вѣдомству четырехъ семинаристовъ.—Дѣло семинарск. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., №№ 11, 13 и 23, указы 18, 19 и 27-й.

[66]) Дѣло конс. архива 1797 г. № 148: Указъ изъ Св. Синода о увольненіи изъ семинаріи учениковъ по требованіямъ врачебныхъ управъ. Дѣло семинар. архива 1799 г. № 32: Указы 1799 г., № 18, указъ 22-й.

Кромѣ требованій свѣтскихъ командъ объ увольненіи учениковъ для поступленія на гражданскую службу, семинарскому начальству нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ воспитанниками, которые сами выражали желаніе поступить на гражданскую службу и просили объ увольненіи изъ семинаріи, обыкновенно ссылаясь при этомъ на свою неспособность продолжать семинарское образованіе и по тѣмъ или инымъ причинамъ служить по духовному вѣдомству. Въ отношеніяхъ епархіальнаго начальства къ такого рода просьбамъ мы не видимъ послѣдовательности и постоянства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальство безъ всякой задержки увольняло изъ семинаріи желающихъ, въ другихъ—къ просьбамъ объ увольненіи оно относилось неодобрительно и съ неудовольствіемъ. Такъ, 12 сентября 1794 г. ученикъ философіи М. Карпинскій просилъ объ увольненіи въ свѣтскую команду, потому что онъ „по причинѣ заиканія своего языка неспособенъ быть въ духовенствѣ“. Префектъ засвидѣтельствовалъ, что Карпинскій „въ произношеніи бываетъ медлителенъ и дѣйствительно заикается“ и по резолюціи преосвященнаго отъ 13 сентября онъ былъ уволенъ изъ семинаріи.[67]) Въ ноябрѣ того же года ученикъ грамматики Ѳ. Кулаковъ просилъ преосвященнаго по неимѣнію склонности и способности къ ученію и по желанію быть въ родѣ приказныхъ служителей объ увольненіи изъ семинаріи для поступленія на службу по Тобольскому Намѣстничеству, при чемъ префектъ засвидѣтельствовалъ, что проситель по слабому понятію успѣхи въ ученіи очень малые имѣетъ. По резолюціи преосвященнаго отъ 16 ноября Кулаковъ былъ уволенъ въ родъ приказныхъ за непониманіемъ.[68]) Вмѣстѣ съ симъ, когда въ мартѣ 1794 г. ученики—піитики П. Некрасовъ и синтаксимы Д. Заборовскій и М. Поповъ просили объ увольненіи въ родѣ приказныхъ по причинѣ слабаго понятія, не смотря на то, что семинарское начальство засвидѣтельствовало, что Некрасовъ „понятія малаго и къ продолженію ученія малонадеженъ“, Заборовскій „понятія и успѣха средственнаго“ и Поповъ „понятія тупаго, лѣнивъ и къ продолженію ученія ненадеженъ“, преосвященный, уволивъ просителей, въ своей резолюціи отъ 10 марта сказалъ: „впредь семинаристамъ проситься въ приказные

---

[67]) Дѣло конс. арх. 1794 г. № 123: О увольненіи учен. сем. М. Карпинскаго за непониманіемъ ко ученію и косноязычіемъ въ свѣт. команду.

[68]) Дѣло конс. арх. 1794 г. № 121: О уволеніи Тоб. сем. ученика Ѳ. Кулакова въ родъ приказныхъ.

по указу Св. Синода кромѣ консисторіи и духовныхъ правленій запретить“ [69]).

Еще болѣе строгая резолюція отъ 16 декабря того же 1794 г. послѣдовала на прошеніи ученика философіи Д. Родикова, который, находя себя неспособнымъ, какъ продолжать далѣе ученіе, такъ и нести когда-либо священническую должность, просилъ объ исключеніи его изъ духовнаго званія и увольненіи его въ Петербургъ для пріисканія способной для себя должности. Въ резолюціи этой преосвященный писалъ: „Въ семинаріи нашей обучаются не для гражданскаго званія, но для пользы св. церкви, да и я писалъ и просилъ Всемилостивѣйшую Государыню о прибавкѣ на семинарію суммы, чтобы удовольствовать церкви учеными священниками. А изъ нашей семинаріи своевольцы и развратники, пренебрегая духовное званіе, притворяютъ себя въ духовномъ чину быть неспособными и просятся въ свѣтскую команду, куда ихъ никто не требуетъ, или увольненія въ С.-Петербургъ. Но какъ указомъ Св. Синода велѣно изъ семинаріи желающихъ быть въ свѣтскомъ званіи опредѣлять въ духовную нашу консисторію или въ духовное правленіе къ письменнымъ дѣламъ; почему я не могу ихъ въ противность полученнаго изъ Св. Синода указа увольнять какъ въ свѣтскую команду, такъ и отпускать въ С.-Петербургъ. Да и вторымъ указомъ Св. Синода велѣно и въ намѣстническія правленія для письменныхъ дѣлъ отпускать учениковъ не выше школы синтаксимы: ибо на нихъ не малая сумма семинарская за обученіе истощена была, и ежели они въ семъ противятся и ослушны, просить имъ о увольненіи себя въ С.-Петербургъ или въ свѣтскую команду Св. Синода“.[70]) Однако, не смотря на такую строгую резолюцію, когда въ ноябрѣ 1797 г. ученикъ риторики Ив. Удинцовъ просилъ объ увольненіи изъ семинаріи, по слабости дарованій, для поступленія въ родъ приказныхъ и позволеніи временно, до открытія „порожней вакансіи“, жить въ домѣ отца въ г. Ирбити, преосвященный безъ всякихъ оговорокъ 4 ноября положилъ на его прошеніи такую резолюцію: „По сему прошенію учинить“.[71]).

---

[69]) Дѣло конс. арх. 1794 г. № 122: О уволеніи Тоб. сем. учениковъ Д. Забор., П. Некр., М. Попова по желанію ихъ въ родъ приказныхъ.

[70]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 87: Объ уволеніи студента въ С.-Петербургъ.

[71]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 145: О увольненіи Ив. Удинцова отъ семинаріи для поступленія въ родъ приказныхъ.

Давая различныя руководительныя указанія относительно постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ, указъ Св. Синода 31 октября 1798 г. не дѣлаетъ прямыхъ распоряженій относительно обогащенія книгами библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній, очевидно потому, что забота объ этомъ сама собой предполагается, какъ одна изъ главныхъ обязанностей академическихъ и семинарскихъ начальствъ. Косвенное указаніе на этотъ предметъ мы находимъ въ 12-мъ пунктѣ синодскаго указа, гдѣ при распредѣленіи отпускаемыхъ на академіи суммъ по различнымъ статьямъ академическаго хозяйства, предусматриваются расходы „на умноженіе библіотеки и на покупку учебныхъ книгъ“. Въ какомъ состояніи находилась библіотека Тобольской семинаріи, въ какомъ количествѣ, когда и какія именно поступали въ нее книги, за отсутствіемъ опредѣленныхъ документальныхъ данныхъ, судить трудно. Несомнѣнно, что основаніе библіотеки было положено съ самымъ открытіемъ семинаріи, и потомъ библіотека обогащалась книгами преимущественно путемъ пожертвованій. Лѣтописецъ семинарской жизни въ числѣ такихъ жертвователей отмѣчаетъ преосвященнаго Тобольскаго Антонія Нарожницкаго, митрополита Новгородскаго Гавріила и др. Но всѣ книги старой библіотеки были утрачены или сгорѣли въ пожаръ 1788 г.[72]) Такимъ образомъ, послѣ этого пожара, семинарія должна была заново заводить свою библіотеку, и „съ 1795 г. и въ послѣдующіе годы, замѣчаетъ тотъ же лѣтописецъ, библіотека получила примѣтное приращеніе. Но какія именно вступили книги и когда, о томъ по сіе время не было ведено исправныхъ записокъ“.[73]) Указанія на пополненіе библіотеки книгами мы находимъ только въ приходо-расходныхъ книгахъ семинаріи за 1791 и слѣдующіе года. Такъ, въ 1791 г. въ апрѣлѣ было заплачено 128 руб. за латинскія грамматики Лебедева и долга за прошлый годъ Московской типографіи Баштынъ-Каменскаго за выписанныя книги 21 руб. 28½ коп.; въ ноябрѣ въ народномъ училищѣ куплены за 4 руб. „географическое паниглобіе и двѣ карты Америки“; въ 1792 г. въ маѣ было уплачено типографіи Б.-Каменскаго 35 руб. за россійскую карту, за карты четырехъ частей свѣта, за 10 всемірныхъ исторій и за 15 россійскихъ землеописаній и картъ и въ декабрѣ куплено у префекта разныхъ книгъ на 22 руб.; въ февралѣ 1793 г. выдано учителю,

---

[72]) «Книга для записи»... л. 3 обор.
[73]) Ibid.

священнику І. Гиганову на покупку татарскихъ книгъ 10 руб.; въ августѣ 1794 г. уплачено за книги 20 руб. Въ общемъ, можно сказать, къ 1795 г. семинарія была достаточно снабжена учебными книгами. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что когда Св. Синодъ указомъ 13 марта 1795 г. сообщилъ о продажѣ хранящихся въ Петербургской и Московской синодальныхъ типографіяхъ изданныхъ комиссіей о народныхъ училищахъ книгахъ, атласахъ и картахъ, ректоръ и префектъ донесли преосвященному: „поелику въ семинаріи имѣются, болѣе надобности не настоитъ“.[74]) Поссму въ дальнѣйшемъ семинарское начальство, постепенно пополняя библіотеку учебными книгами, озабочивалось пріобрѣтеніемъ въ нее сочиненій, имѣющихъ фундаментальное значеніе. Изъ приходо-расходныхъ книгъ семинаріи видно, что въ іюнѣ 1795 г. было уплачено типографіи В.-Каменскаго за латинскія книги 65 руб.; въ 1796 г. выписано изъ Москвы пять Геснеровыхъ лексиконовъ за 15 рублей и въ декабрѣ за латинскіе лексиконы заплачено 44 руб. 50 коп. (за провозъ ихъ дано купцу Мѣлкову 2 руб.); въ октябрѣ 1797 г. на покупку риторикъ отослано въ Петербургъ 10 руб.; въ 1798 г. въ апрѣлѣ заплачено за лексиконы Розанова въ Москву 75 руб., въ іюнѣ Тобольской консисторіи за сочиненіе Златоуста 20 руб. 15 коп. и за лексиконы Розанова въ Москву 66 руб.; въ ноябрѣ заплачено за два октоиха 1 руб. 10 коп.; въ декабрѣ куплено книгъ разныхъ авторовъ у псаломщика Софійскаго собора Ал. Карпинскаго на 12 руб. 50 коп. и передано преосвященному для пересылки въ Москву на покупку книгъ для семинаріи 100 руб.; въ мартѣ 1799 г. передано преосвященному на тотъ же предметъ 95 руб.; въ апрѣлѣ заплачено за провозъ книгъ изъ Петербурга 4 руб. и додано за присланныя изъ Москвы книги 3 руб. 41 коп. Очевидно, значительнымъ увеличеніемъ числа книгъ библіотеки объясняется назначеніе въ 1797 г. учителя П. Галляховскаго библіотекаремъ семинаріи, съ жалованьемъ 10 руб. въ годъ. Съ этого времени должность библіотекаря становится постоянною, при чемъ, за выходомъ Галляховскаго изъ семинаріи, со второй половины 1798 г. должность библіотекаря была передана учителю В. Попову.

---

[74]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 89: Указъ Св. Синода, коимъ потребовано свѣдѣніе о потребныхъ для Тобольской сем. книгахъ, атласахъ, картахъ и глобусахъ.

Экономическую жизнь семинаріи въ 1795—1798 г. можно съ извѣстною наглядностью воспроизвести на основаніи сохранившихся въ подлинникѣ приходо расходныхъ книгъ за эти годы и нѣкоторыхъ другихъ документальныхъ данныхъ.

Какъ и въ предшествующіе года, средствами содержанія семинаріи въ теченіе разсматриваемаго періода были 2000 рублей, поступавшіе изъ казны. Посему почти во все время ректорства Веніамина экономическій строй семинарской жизни въ общемъ оставался въ томъ видѣ, въ какомъ онъ установился при его предшественникѣ, архим. Геннадіѣ. Но вмѣстѣ съ симъ въ обстановкѣ жизни учениковъ семинаріи въ теченіе этого времени нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ улучшеній, коснувшихся прежде всего костюма семинаристовъ. Въ то время, какъ прежде сукно для кафтановъ семинаристовъ покупалось по 24 коп. аршинъ, въ указанный періодъ времени матеріалъ для нихъ покупался лучшій, по болѣе высокимъ цѣнамъ. На ряду съ недорогимъ тикомъ (25—27 коп. арш.) и смурымъ сукномъ (30—33 коп. арш.) для костюма семинаристовъ иногда (декабрь 1798 г.) покупается синее сукно по 1 руб. 35—40 коп. и даже по 1 руб. 90 коп. аршинъ; вмѣсто чарковъ, стоимостью въ 35—40 коп., въ нѣкоторыхъ случаяхъ покупаются сапоги цѣною 1 р. 80 коп. (окт. 1798 г.), 2 руб. 10 коп. (декабрь 1798 г.), 2 руб. 50 коп. (апрѣль 1796 г.); въ апрѣлѣ 1799 г. куплено 6 паръ саноговъ за 15 рублей. Нѣкоторымъ семинаристамъ выдаются казенные полушубки (ноябрь и декабрь 1798 г.), опояски (по 22 коп.), шапки и шляпы (по 35—45 коп.). За столомъ семинаристовъ появляются деревянныя тарелки, вилки и ножи (апрѣль 1796 г.).

Вообще нужно сказать, что содержаніе учениковъ, вызывая чувствительные для скромнаго бюджета семинаріи расходы, должно было составлять предметъ особыхъ заботъ семинарскаго начальства. Правда, въ началѣ ректорства Веніамина мы не видимъ, чтобы предоставленіе ученикамъ семинаріи казеннаго или полуказеннаго содержанія регламентировалось какими нибудь строго опредѣленными и точно выработанными правилами. Однако въ концѣ его ректорства, вслѣдствіе особаго указа Св. Синода, вопросъ этотъ явился предметомъ особаго сужденія семинарскаго правленія и выработанныя послѣднимъ правила были утверждены преосвященнымъ. Именно, по поводу этого указа (препровожденнаго консисторіей въ семинарію 17 декабря 1798 г.), поднявшаго вопросъ

о томъ,—„всѣхъ ли студентовъ и учениковъ содержать на казенномъ коштѣ или не всѣхъ, и ежели не всѣхъ, то какихъ классовъ, какихъ отцовъ дѣтей, сколько числомъ, и кого именно“, семинарское правленіе въ мартѣ 1799 г. составило слѣдующее „Показаніе, какихъ именно студентовъ и учениковъ какимъ казеннымъ содержаніемъ довольствовать“.

„1 е. Сиротствующихъ, разумѣя не имѣющихъ ни отцовъ, ни матерей; или имѣющихъ матерей, но не отцовъ; или имѣющихъ отцовъ, но безмѣстныхъ, довольствовать всѣмъ коштомъ, т. е. пищею, одеждою и обувью.

2-е. Дьяческихъ и пономарскихъ дѣтей довольствовать одною пищею, кромѣ одѣянія и обуви, начиная съ класса грамматическаго.

3-е. Діаконскихъ и священническихъ дѣтей, когда одного отца будутъ въ семинаріи два или три сына, одного ученика довольствовать казенною пищею, кромѣ одѣянія и обуви, прочимъ же содержаться на своемъ коштѣ, равно какъ и одинокимъ. При семъ особенно отличающихся учениковъ ученіемъ и благонравіемъ, по встрѣчавшейся съ отцами ихъ бѣдности, позволяется ректору съ префектомъ, по общему ихъ усмотрѣнію, опредѣлять на казенную пищу.

4-е. Начиная съ класса философическаго содержать каждаго студента на казенной пищѣ, кромѣ одѣянія и обуви, ежели онъ не будетъ при причетнической или другой какой должности, приносящей ему пропитаніе, которое исключеніе простирается на всѣхъ студентовъ и учениковъ.

5-е. Казенными покоями, лазаретомъ и банею довольствоваться всѣмъ дозволяется“.—11-го марта 1799 г. „Показаніе“ было утверждено преосвященнымъ.[75])

Изъ приведеннаго „Показанія“ можно видѣть, что предоставленіе причетническихъ мѣстъ семинаристамъ, которые вслѣдствіе этого не могли уже пользоваться казеннымъ или полуказеннымъ содержаніемъ, являлось однимъ изъ средствъ, облегчавшихъ семинарскій бюджетъ по статьѣ содержанія учениковъ. Изъ вѣдомостей объ учителяхъ и ученикахъ семинаріи видно, что такихъ семинаристовъ-причетниковъ было въ 1794 г. 25 человѣкъ, въ 1795 г.—24, въ 1796 г.—30, въ 1797 г.—30, въ 1798 г.—40 и въ 1799 г.—27 человѣкъ. Предоставляя причетническія мѣста ученикамъ семинаріи, епархіальное начальство, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, руководилось желаніемъ оказать матеріаль-

[75]) Дѣло семин. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., см. № 2 и указъ 8-й.

ное пособіе тѣмъ изъ нихъ, которые были достойны этого по своимъ успѣхамъ въ ученіи. Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать слѣд. примѣры. 7-го марта 1797 г. ученикъ риторики Н. Чемесовъ обратился къ преосвященному съ прошеніемъ объ опредѣленіи дьячкомъ къ Никольской церкви. Учитель риторическаго класса Бурдуковъ засвидѣтельствовалъ, что проситель дарованій хорошихъ и учится прилежно. Но префектъ, опровергая рекомендацію учителя, написалъ: „лѣность и нераденіе къ ученію Чемесова доказывается изъ приложеннаго при семъ реэстра“; а въ реэстрѣ этомъ, представляющемъ извлеченіе изъ класснаго журнала, отмѣчено, что Чемесовъ въ теченіе апрѣля и мая изъ 26 уроковъ на двадцати „non fuit“. Посему преосвященный положилъ на его прошеніи такую резолюцію: „Чемесова обязать подпискою, чтобъ учился прилежно и ходилъ всегда въ школу“. Въ томъ же году ученикъ философіи Ив. Райковъ, состоявшій пономаремъ Петропавловской церкви, просился о перемѣщеніи на праздное дьяческое мѣсто къ Введенской церкви. Хотя префектъ рекомендовалъ просителя, какъ оказывающаго изрядные успѣхи, однако преосвященный, имѣя, очевидно, кромѣ этихъ оффиціальныхъ, частныя свѣдѣнія о просителѣ, 4 іюня положилъ резолюцію: „Мѣсто у Петропавловской церкви сей проситель имѣетъ, но пѣть по нотѣ не умѣетъ, да и учиться лѣнится. Обязать подпискою, чтобъ учился пѣть, а ежели будетъ нерадѣть, не давать доходу“.[76])

Наконецъ, какъ на одно изъ вспомогательныхъ денежныхъ средствъ къ веденію семинарскаго хозяйства, начальство семинаріи смотрѣло на плату за пансіонерное содержаніе учениковъ. Въ мартѣ 1795 г., по утвержденному преосвященнымъ докладу ректора и префекта, было постановлено взыскивать съ состоятельныхъ родителей, дѣти которыхъ пользовались помѣщеніемъ и содержаніемъ въ семинаріи, со священниковъ по 15 рублей, съ діаконовъ по 10 и съ причетниковъ по 7 руб. въ годъ. Но таковыя деньги поступали въ семинарію очень туго, потому что родители не только затягивали уплату причитающихся съ нихъ денегъ, но даже совсѣмъ уклонялись отъ нея. Въ своемъ рапортѣ преосвященному отъ 3 сентября 1795 г. ректоръ и префектъ, жалуясь на неисправную

---

[76]) Дѣло конс. арх. 1797 г. № 137: Градо-Тоб. Петропав. церкви о пономарѣ Ив. Райковѣ и риторики ученикѣ Никифорѣ Чемесовѣ, просящихся дьячками.

уплату денегъ за пансіонерное содержаніе учениковъ, отчего семинарія „великую претерпѣваетъ въ содержаніи себя нужду“, и высказывая опасеніе, „чтобъ отъ таковой во взысканіи опредѣленнаго медленности и отсрочки не придти въ упадокъ“, просили предписать консисторскими указами духовнымъ правленіямъ о немедленномъ взысканіи, съ кого слѣдуетъ, денегъ за содержаніе учениковъ. Хотя таковое ходатайство было уважено, ректоръ и префектъ новымъ рапортомъ отъ 9 апрѣля 1796 года жалуются, что „исполненіе по симъ указамъ и по сіе время не чинится“ и просятъ неисправныхъ плательщиковъ понудить къ платежу денегъ. Подобныя жалобы повторяются затѣмъ въ рапортахъ отъ 1 и 12 іюля 1796 г., причемъ въ послѣднемъ ректоръ и префектъ опять просятъ приказать закащикамъ подъ опасеніемъ штрафа присылать въ семинарію требуемыя съ родителей учениковъ деньги.[77]) Не смотря однако на это, семинарское начальство не считало возможнымъ отказывать ученикамъ въ пансіонерномъ содержаніи: отъ 23 мая 1799 г. правленіе семинаріи, съ утвержденія преосвященнаго, въ виду того, что „нѣкоторые ученики за дальностію квартиръ и иные за слабостію здоровья, а иные по бѣдности родителей просились на казенную пищу съ уплатою за оную денегъ“, постановило такихъ просителей принимать на содержаніе съ платою по 12 рублей въ годъ.[78])

Однако всѣ мѣры и средства, къ которымъ обращалось начальство, чтобы облегчить матеріальныя нужды семинаріи, даже при значительно сократившемся, сравнительно съ недавнимъ временемъ, числѣ учениковъ, положеніе семинаріи въ экономическомъ отношеніи во время ректорства Веніамина все болѣе и болѣе ухудшалось. Еще 3 сентября 1795 г. семинарское начальство рапортомъ докладывало преосвященному, что „по учиненной смѣтѣ содержанія въ Тобольской семинаріи учащихъ, учащихся и при оной трудящихся относительно опредѣленной на оную семинарію двутысячной суммы и числа учениковъ нашла семинарія, что сей суммы на годичное время при настоящей дороговизнѣ вещей для содержанія семинаріи будетъ мало“. Озабочиваясь принятіемъ мѣръ, „къ содержанію семинаріи споспѣшествующихъ“, начальство, какъ мы упоминали выше, думало выйти изъ затрудненія установленіемъ платы за пансіонерное со-

[77]) Дѣло конс. арх. 1795 г. № 91: Отпускъ указовъ въ дух. правленія о взысканіи съ св.-ц.-служителей, имѣющихъ дѣтей на казенномъ содержаніи, денегъ.

[78]) Дѣло семин. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., № 10, указъ 16-й.

держаніе учениковъ. Но такъ какъ установленная плата поступала неисправно, то, по заявленію начальства, семинарія „подъ истеченіемъ приходовъ великую отъ того претерпѣваетъ въ содержаніи себя нужду; а потому имѣетъ опасеніе, чтобъ ... не придти въ упадокъ“.[79]) Затруднительное положеніе, въ которомъ оказалась хозяйственная часть семинаріи, объясняется дѣйствительно значительнымъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, вздорожаніемъ Тобольской жизни. Такъ, изъ приходорасходныхъ книгъ видно, что мука съ 12—14 коп., въ какой цѣнѣ она стояла, напр., въ 1791 г., въ послѣдующіе годы поднялась до 40, 62 и 85 коп. пудъ, мясо съ 60 коп. до рубля пудъ, дрова съ 65 к. до рубля за сажень и пр.

Съ теченіемъ времени семинарская экономія, ухудшаясь все болѣе и болѣе, въ 1798 г. дошла до положенія почти безвыходнаго, и семинарія, въ экономическомъ отношеніи, стояла, можно сказать, наканунѣ банкротства. Въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ этого года семинарія изъ ассигнованныхъ на ея содержаніе 2000 руб. израсходовала 1666 руб. 62 коп. и въ остаткѣ было только 333 руб. 38 коп. Между тѣмъ на эти деньги должно было просодержать семинарію до конца года въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и изъ нихъ же должно было выдать за вторую половину года жалованье служащимъ, которымъ причиталось 412 руб. 75 коп. Изъ своего тяжелаго экономическаго состоянія семинарія вышла только благодаря новымъ значительно увеличеннымъ штатамъ, опредѣленнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Высочайшій указъ 18 декабря 1797 г., озабочиваясь „устроеніемъ въ лучшемъ по возможности видѣ духовныхъ училищъ, дабы всѣ они не скудное имѣли содержаніе“, ассигновалъ на содержаніе ихъ достаточныя суммы.[80]) По новымъ штатамъ бюджетъ Тобольской семинаріи былъ *удвоенъ*, т. е. къ 2000 руб., которые семинарія получала изъ казны ранѣе, прибавлено было еще 2000 руб.[81]) Посему въ октябрѣ мѣсяцѣ 1798 г. семинарія сверхъ полученныхъ уже 2000 руб. получила еще 2000 руб. и, благодаря этому, могла съ избыткомъ удовлетворить всѣ свои нужды: въ октябрѣ—декабрѣ мѣсяцахъ 1798 г. она израсходовала 1758 рублей

[79]) См. цитов. выше дѣло конс. арх. 1795 г. № 91.
[80]) Полн. собр. закон. т. XXIV, № 18.273.
[81]) Ibid. т. XLIV, ч. 2-я. Книга штатовъ, отд. 3 и 4, къ № 18.273: Роспись суммамъ, назначаемымъ въ прибавку на содержаніе духовныхъ училищъ и на другіе расходы, до духовнаго чина относящіеся.

40 коп., а всего въ годъ 3425 руб. 2 коп. и кромѣ того къ 1799 году получился остатокъ въ 574 руб. 98 коп. Такое, можно сказать, необычайное увеличеніе бюджета духовно-учебныхъ заведеній не могло не вызвать особенной радости у духовнаго начальства и остаться ничѣмъ не отмѣченнымъ. Св. Синодъ указомъ 24 марта 1799 года, отмѣчая „изліянныя Высокомонаршія милости для святыя церкви и дарованныя многія щедроты служителямъ ея“, даетъ особое наставленіе, чтобы всѣ учрежденія и лица духовнаго вѣдомства радѣніемъ и трудами своими оказались достойными этихъ милостей и способствовали достиженію добраго успѣха. Вчастности, по отношенію къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, въ 4-мъ пунктѣ этого указа сказано: „Для училищъ благоволеніемъ и щедротами Монаршими толико ободренныхъ... напоминается начальствующимъ и учителямъ, дабы въ дѣлѣ своемъ трудились съ охотою, съ доброю совѣстію и ревностію, представляя сколько настоящая ихъ и будущая всей церкви польза должна быть для нихъ лестна, столько опасаясь того, ежели бы по нерадѣнію ихъ вмѣсто пастырей выходили изъ училищъ къ стаду Христову наемники или и самые волки“.[82])

Указъ Св. Синода 31 октября 1798 г., давшій руководительныя указанія относительно административнаго и учебно-воспитательнаго строя духовно-учебныхъ заведеній, не оставилъ безъ вниманія ихъ хозяйственной части. Для упорядоченія экономіи и отчетности, указъ въ 18-мъ пунктѣ предписывалъ „приходы и расходы какъ въ академіяхъ, такъ и въ семинаріяхъ... записывать въ даваемыя ежегодно изъ консисторіи шнурозапечатанныя книги, которыя по прошествіи года консисторіямъ разсматривать и рапортовать преосвященнымъ архіереямъ, а имъ, преосвященнымъ, Синоду съ показаніемъ: 1-е. Сколько вообще въ годъ будетъ выходить на жалованье ректору съ учителями и другими чинами? 2-е. Сколько на лазаретъ, на починки и прочія по семинарскому дому надобности? 3-е. Сколько на содержаніе студентовъ и учениковъ? 4-е. Сколько затѣмъ къ слѣдующему году отъ каждой изъ сихъ трехъ статей будетъ въ остаткѣ? имѣя о соблюденіи таковыхъ остатковъ попеченіе, дабы изъ оныхъ можно было заимствовать на непредвидимыя надобности; изъ остающейся же суммы назначенной на учителей дѣлать оказавшимъ особенные въ ученіи успѣхи награжденіе“.[83])

---

[82]) Дѣло сем. арх. 1799 г. № 32: Указы 1799 г., № 15, указъ 15-й.
[83]) Ibid., см. ук. 7-й. Дѣло конс. арх. 1798 г. № 131: По указу Св.

Съ увеличеніемъ денежнаго ассигнованія изъ казны, жизнь семинаріи несомнѣнно должна была улучшиться въ экономическомъ отношеніи. Это выразилось, прежде всего, въ увеличеніи жалованья служащимъ семинаріи. Ректоръ и префектъ, докладывая 4 января 1799 г. преосвященному, что указомъ Св. Синода 31 октября 1798 г. опредѣленіе жалованья ректору съ чинами предоставлено епархіальнымъ архіереямъ, представили при своемъ докладѣ на утвержденіе „Показаніе всѣхъ классовъ ординарныхъ и экстраординарныхъ и жалованья всѣмъ въ семинаріи трудящимся“. По этому „показанію“ жалованье было положено: а) ректору 70 руб., б) префекту 70 руб., учителямъ: в) богословіи 100 руб., г) философіи 100 руб., д) краснорѣчія 100 руб., е) риторики 110 руб., ж) поэзіи 70 руб., з) синтаксимы 68 руб., и) грамматики 65 руб., і) инфимы 55 руб., к) греческаго языка 40 руб., л) математики 30 руб., м) татарскаго языка 40 руб., н) нѣмецкаго языка 30 руб., о) исторіи и географіи 30 руб., п) лѣкарю 100 руб., р) комиссару 50 руб., с) библіотекарю 25 руб., т) учителю пѣнія 40 р. и у) за пространный катихизисъ 25 руб., всего 1218 руб. На докладѣ преосвященный 19 января 1799 г. положилъ слѣд. резолюцію: „По представленному росписанію учителямъ жалованіе выдать и сіе росписаніе на апробацію представить Св. Синоду“.[84]) Затѣмъ, увеличеніе ассигнованія должно было отразиться и на другихъ сторонахъ семинарской экономіи, обезпечивъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, спокойное теченіе хозяйственной жизни семинаріи. Но рѣчь объ этомъ у насъ впереди, при изложеніи исторіи семинаріи во времена преемника ректора Веніамина, архимандрита *Михаила Бурдукова*.

Мы затрудняемся сдѣлать общую характеристику архимандрита Веніамина, какъ ректора, за отсутствіемъ для этого точныхъ данныхъ. Дѣла консисторскаго и семинарскаго архивовъ говорятъ о его учебно-административной дѣятельности только съ внѣшней оффиціальной стороны, не давая ничего для оцѣнки его душевнаго склада, характера, стремленій. Изъ отрывочныхъ архивныхъ данныхъ можно заключить, что архим. Веніаминъ едва ли былъ человѣкомъ иниціативы, который озабочивался бы реформами ввѣреннаго его попеченію заведенія со стороны

Синода, какимъ образомъ въ семинаріяхъ ученіе преподавать и суммой распоряжаться.

[84]) См. цитов. дѣло конс. арх. 1798 г. № 131.

учебной, воспитательной и экономической, возможность чего давалась тогдашнимъ, почти полновластнымъ, положеніемъ ректора. Различныя измѣненія въ административномъ, учебномъ и экономическомъ строѣ семинаріи, совершившіяся при архим. Веніаминѣ, исходятъ не отъ него, а отъ высшаго начальства, или вызываются настоятельными требованіями жизни. Это отсутствіе иниціативы въ дѣятельности ректора объясняется, можетъ быть, болѣзненнымъ состояніемъ архим. Веніамина, заставившимъ его отказаться отъ управленія семинаріей, не достигнувъ и сорокалѣтняго возраста. Ненужно, наконецъ, опускать изъ вниманія тяжелаго экономическаго состоянія, въ которомъ находилась семинарія при ректорѣ Веніаминѣ. Это состояніе было таково, что могло связывать руки для всякихъ реформъ, необходимость которыхъ отлично сознавалась семинарскимъ начальствомъ, но осуществленіе которыхъ было положительно невозможно въ виду близкаго къ банкротству экономическаго положенія семинаріи.

Н. Бирюковъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
Упраздненные монастыри Тобольскаго края . . .	1
Зосимо-Савватіевскій Тобольскій монастырь . . .	6
Покровскій Туринскій монастырь	16
Ильинскій Тюменскій монастырь	19
Очерки изъ исторіи Тобольской духовной семинаріи	23

Цѣна 20 коп.